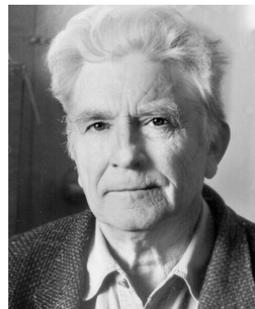

*Александр
Лухтанов*

БУХТАРМИНСКИЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ

Повесть

Часть 3 ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

Они долго шли по этому коридору, поворачивая то вправо, то влево, и забираясь все глубже и глубже под землю в тайники пещеры. В одном месте они набрали на обширную пещеру, где с потолка свисало множество сталактитов, длинных и толстых, как человеческая нога; Том и Бекки обошли ее кругом, восторгаясь и ахая, и вышли по одному из множества боковых коридоров. По этому коридору они скоро пришли к прелестному роднику, выложенному сверкающими, словно иней, кристаллами; этот родник находился посреди пещеры, стены которой поддерживало множество фантастических колонн, образовавшихся из сталактитов и сталагмитов, слившихся от постоянного падения воды в течение столетий.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера

Письмо Роману

Вот уже месяц как Роман – студент Томского политеха. С трудом отвыкал он от размеренной и неспешной жизни в крохотном таежном поселке. Медленно входил в ритм большого города с его вечной суетой, шумом трамваев и автомобилей, толкучкой в автобусах и толпами народа. Но после школьной жизни в интернате студенческая жизнь показалась ему вольготной, демократической и живой. Ему нравились шум и веселый студенческий гомон, беготня по аудиториям с лекции на лекцию, из одного корпуса в другой, из столовой в общежитие. Жизнь, с утра и до вечера заполненная оживленной деятельностью, как нельзя лучше подходила его живому характеру, тем более нравились лекции профессоров, активно проходившие семинары и коллоквиумы. Лишь раз удалось ему выкроить время,

чтобы сходить в оперный театр, поразивший его великолепием старинного зала и особой атмосферой, царившей там.

Месяц, всего месяц, а Роман уже успел позабыть столь яркие события последнего лета в родном Бухтарминском крае. А скорее всего, ему просто некогда было предаваться воспоминаниям и заново переживать все, что случилось тогда в верховьях Хамира у подножья седого хребта Холзун. Все это стало казаться Роману далеким прошлым, а порой он задавал себе вопрос: не была ли та штольня, рудный забой сверкающий сульфидными минералами, чудесным сном и сказкой о выдуманном грозном хане Алтае? Куда более реальными были для него родной дом на солнечной поляне среди тайги, отец и мать, брат Степа и сестренка Надюшка. Даже ласковый пес Шарик виделся ему во сне, а вот походы в горах и даже Максим почему-то стали казаться полузабытой и даже мифической историей, легендой.

«Сегодня термех, математика и физика», – мысленно перечислял Роман в уме, торопливо допивая утренний чай в институтской столовой.

– Тебе письмо там, на вахте, – на бегу сообщил однокурсник Костя. – Только что видел, лежит с красивой маркой.

Роман вскрыл конверт, пробежался по первым строчкам, и все поплыло у него перед глазами. Он вдруг сразу очутился в родном лесу, рядом со своими друзьями, Егором и Агафоном, со Степаном. Почти все содержание письма сводилось к их летнему приключению и как бы было его продолжением.

«Здорово, Рома, пишет тебе брат Степа. Спешу сообщить свежие новости, и уже заранее думаю, как ты будешь завидовать и рваться на наш Хаир-Кумин, чтобы своими глазами увидеть продолжение нашей чудесной истории со всеми ее тайнами и загадками. Сидишь, Рома, ты там у себя в Томске, ничего не ведаешь, а у нас новость. Егорка с Агафоном, охламоны, не выдержали, сбежали в пятницу из школы, чтобы провести нашу штольню. Вот ведь самовольщики, невтерпеж им стало, ушли тайком от меня, не уведомив и не предупредив. А что ее проведывать, только лишний след оставлять. Но все оказалось непросто, и у них был свой план. Короче, они разобрали тот завал, что был в конце штольни, пролезли в дыру, а там такое! Словом, чудеса, да еще какие: выработка шла-шла и метров через двадцать оборвалась в провал. Как они рассказывают, провалилась в яму. Светили своими свечками, да мало чего рассмотрели. Говорят, пустота, и просвета не видно. В общем, шибко страшно им стало, побоялись спускаться, и я думаю, правильно сделали. Что хорошо, это то, что тайну они держат, рассказали только мне, и я теперь места себе не нахожу – хочется самому там побывать и выяснить, что за чудеса в решетке, что там за яма такая. Для такого дела не грех и с занятий на пару дней спланировать, благо, ты знаешь, осень у нас сухая и теплая. Дни стоят яркие, солнечные, такие, что в школе трудно усидеть – тянет в лес, на реку, за шишками и грибами. Думаю в начале октября сделать вылазку на штольню вместе с ребятами. Надо же посмотреть, что они там нашли, какую пустоту, и куда она ведет.

Дома все в порядке, мама каждый день вспоминает о тебе, беспокоится – здоров ли, сыт ли, все ли в порядке. А отец каждый раз говорит: «На то он и мужик, чтобы учился, жил без мамы и папы и готовился к самостоятельной жизни». Надюшка передает тебе привет и спрашивает, когда приедешь на каникулы.

Я уже упомянул, что тайну чудской копи Егор с Агафоном пока не разглашают, держат язык за зубами, но ты-то знаешь наших зырянцев, а может, и вообще сельских жителей: от них, как ни хоронись, ничего не скроешь. Достаточно было Агафону с Егором пройти через Масляху, как уже это вызвало вопросы: куда идут и почему с ломиком и киркой? Народ деревенский любопытен и дотошен, это не городские жители, что живут в своей норке и дальше квартиры и службы никуда носа не кажут. Тот же Арчба кругами ходит вокруг меня: «А, дементьевские орлы! Как много золотишка накопили?» Чует что-то, а откуда все идет – ему невдомек. В общем, интерес имеет, и мне это не нравится.

Да, забыл написать, что рядом со штольной пацаны вспугнули здоровенную медведицу с медвежонок. Они спали неподалеку, сделал лежку в густой траве. Когда почуяли людей, медведица приподнялась, сделал стойку, а затем убежала. И тут только мальчишки заметили, что весь песок на берегу истоптан медвежьими следами, лежат кучи помета, и есть предположение, что медведица заинтересовалась штольной и, возможно, даже лазила в нее, хотя следов этого ребята не обнаружили. А дело было так. Егор шел первым, Гоша приотстал, и вдруг за скалой, что мы называем Броненосцем, открылась ему картина: в помятом бурьяне спит здоровенная медведица, а рядом с ней медвежонок, уже довольно взросленький. Тут, видно, пахло человеческим духом, медведица вскочила, воззрившись на Егорку, а он стоит, ни жив ни мертв, и не знает, что делать. Сам посуди и представь, если перед тобой живая гора из мускул, зверюга с оскаленной мордой и дыбом стоящей шерстью. На животе, покрытом свалывшейся шерстью, соски, и глаза гневно сверкают, недвусмысленно говоря о том, что это мать, готовая сражаться за своего детеныша не на жизнь, а на смерть. Медвежонок суетился вокруг матери, видимо, не понимая, как себя вести. Момент был отчаянный, Егор понимал, что все зависит от того, как поведет себя медвежонок, куда побежит. Кажется, и медведица думала о том же, выжидая и пока не принимая решения. Как ни трагичен был момент, но кроме оскаленной страшной морды Егор успел заметить светлый, почти белый загрызок зверя, вставший дыбом. Испугаться он просто не успел, все это длилось каких-то несколько секунд. Медвежонок вдруг повернулся и, не торопясь, побежал в противоположную сторону от ребят. Тут же и медведица, потеряв всякий интерес к неожиданным гостям, плавно осела на все четыре лапы и последовала за своим ребятенком. Мягко переваливаясь с камня на камень крупной россыпи, она легко взбегала по гребню горы, а за ней коlobком катился медвежонок.

Вот такая вышла история у ребят. Меня это очень заинтересовало, а вернее сказать, напугало, ведь, сам понимаешь, если медведица решила там обосноваться на зиму, то Егор с Агафоном здорово рисковали. Ну, как зашли бы в выработку, а она навстречу! Там ведь не развернешься и не разойдешься... Короче, пошел я к Пахому Ильичу за советом, и вот что он мне рассказал: «Да, действительно, медведь часто выбирает себе место под берлогу в пещерах. Но ведь пещера пещере рознь. Для зимовки таежному дедушке нужно укрытие по типу землянки, чтобы была крыша над головой, даже лучше, если снежная. У нас настоящих больших пещер я не встречал, так, скорее ниши в скалах. Вот в них и залегает медведь. Он ведь сам себя греет, и чем меньше его берлога, тем лучше, тем ему теплее. А в большой пещере, думаю, ему холодно будет.

Разве что если вход перекроет снежный заслон, иначе ему не резон зариться на просторное и холодное помещение”.

Рома, ты там в библиотеках покопайся: что за зверь такой пещерный медведь? Раз назван так, значит, в пещерах жил? Наверное, очень уж большой, раза в полтора-два больше наших? Читал где-то я, будто едва ли не основной добычей у него был древний человек, то есть этот самый троглодит, что тоже обитал вместе с ним в пещерах. И куда он потом делся, этот пещерный медведь? Человек же вот как-то выжил, а медведя того нет. А может, он просто измельчал, превратившись в обычного бурого?

На этом кончаю, бывай здоров! Нас не забывай, а мы тебя ждем на каникулы. Твой брат Степан».

Яма зело не простая, пещерой называется

Верховья Хамира не самое близкое место. Чтобы навестить Чудскую копь, за день не управиться, даже если подъехать на лесовозе до Масляхи. А раз с ночевой, то надо ставить в известность родителей.

Петр Иванович уже забеспокоился:

– Чтой-то вы ходите-ходите, а ни шишек, ни грибов не видно. Что за таинственные отлучки? В прошлый раз принесли грибков, что кот наплакал.

Куда денешься, надо признаваться. Врать родителям нехорошо, но и открывать все секреты нельзя. Степа старался быть дипломатичным.

– Мы, отец, нашли чудскую выработку.

– Чудскую? Слышал я, что и Зыряновск основан на этих древних закопушках. Что там у вас, руда? Не дай бог, рудник откроют!

– Мы, отец, и сами этого боимся, потому и ходим, чтобы разведать, что и как. А ты, на всякий случай, помалкивай, тем более Арчбе не проговорись. Ничего, мол, не знаю, за шишками ребята ходят.

– Понял. А что матери скажем? От нее ведь не скроешь.

– А то, что я тебе передал, то и ей скажи.

На этом разговор был закончен, и Степа почувствовал облегчение. Что касается Егора и Агафона, то тут объяснением могли быть кедровые шишки и охота. Осенью хозяйственные работы поубавились, и родители их особенно не досаждали с вопросами, куда и зачем ходят.

15 октября – время, когда на Холзуне начинается зима, но в тайге осень еще пытается сопротивляться. У подножья, внизу, земля сырая и холодная, снежок уже не раз падал и таял; это еще не настоящая зима, с оттепелями и возвращением по-осеннему теплых дней, хотя медведи уже ложатся в спячку.

В этот день трое друзей бодро шагали по тропе, проложенной ими самими еще в летние дни. Вместе с ними бежала веселая собачка Егора, за плечами которого висела старенькая одностволка. Байкал – опытный на охоту пес, хотя и не совсем сибирская лайка, но охотнику помощник.

Припорошенный свежавывающим снегом Холзун высился вдали седой и горбатой стеной длинного хребта. В падах и распадках серой периной по утрам лежал туман, всходило солнце, он шевелился, будто там ворочались беспокойные белые звери, таял, клочья его седыми космами цеплялись за выступы скалы, а потом растворялись, будто их и не было. Приметы предзимья в тайге заявляли

явственно и четко натающим снежком в темных и сырых оврагах, подмерзшей корочкой земли после проливных осенних дождей, поблекшими травами, серой стеной все еще стоявших по опушкам пихтачей и осинников. Снежок еще не придавил бурьяна к земле. Как и деревья, буйные травы умерли стоя, и придет время, тяжелая снежная шуба спрессует, вдавит их в землю, словно прикатает тяжелым катком. А пока эти непокорные стебли то и дело вздрагивали, сбрасывая сырой снег на одежду бредущих людей.

Степан с Егором молча переносили этот холодный душ, и только один Агафон ворчал:

– Еще топать да топать, а у меня все штаны мокрые. Как ночевать в сырости будем?

– Первым делом надо снять штаны, потом разжечь костер, – поучал Степа. – Самое гиблое дело пытаться согреться в мокрой одежде. И тут даже костер не поможет – хворь пристанет, не отвяжешься.

– Ага, сколько раз пытался у костра сушить носки, они всегда сгорают.

– А ты как хотел? Портки сушить не халам-балам. У драной овцы... – Егор хотел произнести поговорку и осекся, забыв продолжение.

– Это я-то овца! – возмутился Агафон, но тут совсем рядом вдруг прозвучал звонкий, как удар гонга, крик ворона.

– Смотри, Гоша, это ворон тебе ответ дает. Все лето не видно было и не слышно, а тут вот он – объявился. Предупреждает, что зима скоро. И ведь не видно было до сих пор, как и снегирей.

– А что ты хочешь, у снегиря и имя снежное.

Агафон уже забыл про обиду.

– Нынче, впервой как побелело, я в школу бегу, а с березы «фью-ить, фью-ить». Поскрипывают, словно дужка у ведра на коромысле.

– А что, Гоша, ты воду на коромысле носишь? – удивился Егор.

– Ну не я, так маманя. Она у меня все примечает. Взять тех же синиц. Ни весной, ни летом не слышно, а тут на тебе – объявились. Как октябрь, уже стучат в окно. Маманя мне говорит: «Ну вот, сынок, привечай. Где твоя птичья кормушка?»

– А у меня кормушка – чего не положишь, сорока тут как тут. Мигом все слопает. От нее не убережешься.

На тонкой пелене снежка уже обозначились следы хорьков, горностаев и ласок, охотящихся за мышами, пытающимися укрыться под ворохами опавшей листвы. Черная белка, свесив пушистый хвост, уркала и сердито цокала на прищельцев, но Степа запретил стрелять.

Это время, когда тетерева сбиваются в стаи и носятся от одного колка до другого и лишь в полдень спускаются на землю, чтобы полакомиться ягодами шиповника, рябины или калины. В эту же пору, в сутеми тусклого дня, в сырости и сырости северного склона, среди ржавого и тронутого прелью пласта опавшей листвы вдруг замечаешь пряди ярко зеленой травы. Словно локоны зеленоволосой русалки, травяные мочала явно чувствуют себя привольно в холод и слякоть, а отсутствие солнечного света будто идет неувядающей траве на пользу. Эта травамурава любит и берега лесных ручьев, она же прекрасно уживается в глухом сумраке пихтача, иногда даже не имея травяных соседей, блаженствует в полном одиночестве среди желтоватой, голой земли.

Егорка с тоской поглядывал на зубчатые гривы горных увалов, где стояли березняки, столь любезные тетеревам-косачам, и даже Байкал, рыскающий из стороны в сторону, нет-нет да кидал преданный взгляд на своего хозяина: «Ну что же ты, когда займемся настоящим делом?»

В сумерках они перебрели обмелевший Хамир, едва мерцавший в темноте серебристыми струями, причем Агафон умудрился зачерпнуть сапогом воды, и стали лагерем под тем же кедром, как тогда в августе, когда их застал ливень.

Языки пламени рвутся вверх, сверкающие искры уносятся к небесам, растворяясь в черной тьме. Вдруг что-то светлое метнулось в сторону белеющего березового ствола.

– Что это? – удивленно спросил Степа.

От Агафона это тоже не ускользнуло:

– Вроде бы летучая мышь так не летает.

Егор усмехнулся:

– Скажешь тоже! Летучая мышь носится зигзагами туда-сюда, а эта шлеп – и готово! Белка-летяга, вот кто это.

Степа заинтересовался всерьез.

– Интересно... Никогда не видел, хотя и слышал. Самое, наверное, загадочное существо в нашем лесу. Вот бы разглядеть поближе!

– Она пугливая. Да и темно уже. Даже днем подойдешь и не увидишь – она быстренько перебирается на другую сторону. Как дятел. Тот стучит, ты за ним, а он вокруг ствола прыгает и не улетает. Так и летяга. Любопытная! Сидит-сидит, а нет-нет да и выглянет. А летает-то всего от дерева до дерева. Вроде как планирует. Вцепится в кору и сидит.

– А ты откуда все знаешь?

– С отцом на охоту ходил. Они от выстрела выскакивают из своих дупел. Сидит, глазами луп-луп. Они у нее большие, черные.

– Отец убивал?

– Пошто! Они никому не нужны, мех никудышный. Пускай себе живет! Кабарожку как-то он стрелил, а потом сказал: «Нет, больше не буду убивать. Больно жалко, махонькая такая! А называется олень».

Все замолчали, обдумывая сказанное Егором.

Утром, поеживаясь, встали с восходом солнца, но оно уже не торопилось греть. Обмелевший Хамир сверкал иссиня-черной водой, а у берегов молодой ледок хрустел, как стекло. Проламывая ледяной припай, Егор со Степой плескали в лицо обжигающую холодом воду, а Байкал, радуясь морозцу, кувыркался в снежке, пока еще больше похожем на куржак, на иней, густо облепивший траву.

– Может, стрелить? – предложил Егорка, вертя в руках свое ружьецо, когда они подошли к Агафону, разжигающему костерок.

– Вот еще не хватало! – отозвался Степа. – Терпеть не могу бессмысленное баханье охотников, глупое и вредное.

Когда подходили к штольне, весело снующий взад-вперед Байкал вдруг стал жаться к путникам, путаясь у них под ногами.

– Что это он? – спросил Степа, срывая и кладя в рот горькие ягоды калины. – Чуешь, Егор? Неспроста это.

– Да, похоже, боится чего-то.

– Это «чего-то» то самое, ради чего его и взяли. Вот теперь, Егор, давай – пали, пора уже. А кобелишка твой, видно, только перед косачами герой.

Гулкий выстрел резко прозвучал в осенней тишине леса, напугав возмущенно застрекотавшую сороку. Несколько минут все стояли, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в настороженный осенний день, и Егор хотел уже повторить выстрел, как вдруг Байкал, до сих пор молчавший, возбужденно залаял и бросился напролом через травяной затор.

– Глядите, глядите! – возбужденно воскликнул Агафон. – Вон же она, та самая медведица, поскакала среди посохшего бурьяна! Ишь, спина мелькает. А за ней и ее ребяенок бежит, не отстает, катится коломом, мячиком, да еще и подпрыгивает.

– Катится-то катится, – отвечал Степа, – а я вот думаю, что мы с этой медведицей конкурентами стали.

– Как это? – удивился Агафон.

– Да очень просто, она же здесь уже второй раз встречается. Явно облюбовала штольню под берлогу. Настоящая хоромина, чтобы зиму пережить, а тут мы заявили и все ее планы нарушили. Похоже, мы как люди каменного века, которым приходилось сражаться с пещерными медведями за право обладать подземным убежищем.

– Пожалуй, действительно так, – сказал Егор, держа ружье, из дула которого все еще струился дымок. – Нам хорошо, у нас ружье, а вот каково было древнему человеку? Одной дубиной оборонялся и добывал себе пищу.

Агафону вдруг стало весело:

– А вы не обратили внимания, как она бежала? Вперевалочку, так это не топясь, и нет-нет да и обернется назад. Посмотрит на нас будто с укоризной и дальше топает. Видно, жалко ей такую хорошую квартиру нам уступить.

– В общем, мы герои, – съязвил Егор. – Посмотрел бы я на тебя, Гоша, встретиться нам эта Марья Ивановна в узенькой штольне. Вот бы она потешилась!

Однако позубоскалили о медведице и вскоре забыли. Впереди ждала интрига – жгучая загадка: что за пустота скрывается во мраке подземелья?

Когда пролезли через пролом в завале, Степа сказал:

– Доставай, Гоша, свою карбидку, авось просветит вашу пропасть.

Пробираясь через завалы и нагромождения каменных обломков, они достигли края выработки; загадочный провал разверзся перед ними, однако даже ацетиленовый светильник не пробивал кромешную тьму. Белый луч будто плавал в мутно-черном мраке, колышащемся то ли от испарений, то ли от пыли. Казалось, там волнами клубились облака тумана, заволакивающие пустоту перед ними. Степа бросил камень в черный провал, он глухо загремел, вызвав небольшой камнепад. Дробный перестук мелких обломков постепенно затих, и снова воцарилась мертвая тишина, в которой отчетливо слышался стук капель с потолка. Все напряженно прислушивались ко всем этим звукам, а Степа сказал:

– Чувствуете, обрыв наклонный и не так уж глубок.

Он снова посветил, теперь уже вниз, пытаясь заглянуть в мрачную глубину пропасти, и вдруг заговорил языком восемнадцатого века:

– Яма зело не простая, пещерой называется. Явно эта пещера естественного происхождения.

– Естественного – значит, что не человеком сделанная? – спросил Агафон.

– Совершенно верно, все это сотворила природа. Вода, братцы, вода промыла сию пустоту.

– Вода камень точит, – многозначительно сообщил Егор. – А где же она, эта вода? Кроме капель ее не видно.

– Значит, была и ушла, где-то в другом месте работает. Может, внизу, под нами или где в стороне. А то, скорее всего, климат поменялся, суше стало. Это же все происходило в течение миллионов лет, за это время сколько перемен было и в климате, и в целых эпохах. Где там, Егор, наш штырь? Не зря же я в кузню ходил, просил сбробить. Сейчас заколотим, чтобы веревку привязать.

Сказано – сделано. Спущенной вниз веревки хватило с лихвой достать дно. Степа с силой потянул, подергал канат, пробуя прочность, а затем заявил с оттенком торжественности:

– Парадный трап для спуска важных персон готов, – и добавил: – Нам повезло, что стенка не вертикальная, легче будет подниматься назад. Вот, глядите, спуск способом «сидя», альпинистами называемый «дюльфер».

Став спиной к краю обрыва и пропустив веревку через спину и плечо, он сел на нее. В одной руке зажженная свеча, другая держит веревку. Отталкиваясь ногами от стенки обрыва, Степа рывками, похожими на прыжки, стал спускаться в пропасть и через минуту крикнул:

– Ура! Стою на необитаемой земле и ощущаю себя в мире инопланетян.

– Что там? – в нетерпении чуть ли не хором выкрикнули Гоша и Егор.

– Большая камера с высоким потолком, идущая вдаль. Чувствую тягу воздуха, довольно сухо, но где-то журчит вода.

Вскоре все трое друзей стояли на терра инкогнита. Высветивая стены и озираясь по сторонам, они осознавали себя в чужом, незнакомом мире, волнующем их и наполняющем каким-то магическим трепетом.

Кажется, Гоша с Егором забыли обо всем на свете, но Степа вернул их в реальность, сказав, глядя на часы:

– Уже половина третьего, а в пять из Масляхи уходят лесовозы с лесом. Нам надо на них успеть.

Пробыв не более двух часов под землей, друзья по той же веревке вернулись на привычную им родную землю.

Зимняя разведка

Стыло в тайге в хмурый и тусклый день, но радостно и светло, когда сияет солнце. Тогда и мертвая тайга оживает – в другое время заснеженная, безмолвная пустыня. Остроконечными пиками и шатрами стоят пихты, закутанные в белые тулупы. За ними разворачивается широкая горная панорама с синеющими таежными далями и стоящим белой стеной Холзуном.

Укрывшись ледовой броней, дремлет Хамир, и лишь темнеющие полыньи и промоины напоминают, о том, что горная река жива. Там пульсирует и бьется бурливая, непокорная волна. Кургузые птички оляпки суетятся вдоль ледяного припая, то и дело ныряя в кипящую водяную пучину. Ком снега упал с мохнатой пихтовой лапы, и пестрая, с черными крыльями кедровка громким дребезжащим криком возвестила о том, что в заснувшем лесу появились люди.

Петр Иванович, запрягши своего Карьку, вез домой приехавшего на каникулы Романа.

Приехать в тайгу из города – все равно, что окунуться в сонное царство. Но ведь и здесь жизнь идет! У Романа большие планы, в том числе и эта таинственная пещера: как не посмотреть, что за подземный город открыли его друзья! Само собой, отцу с матерью надо помогать.

Марфа пыталась было возражать:

– Что же это – приехал всего на две недели и уже из дому.

Но Петр Иванович сына поддержал:

– Засиделся там в кабинетах на лекциях, пусть разомнется, по лесу побродит.

– И больше того, напомнил: – А ты, мать, что, забыла, с Афоной горы сено надо доставить? Свое-то уж на исходе, нам со Степаном вдвоем не управиться, а с Ромой будет как раз по силам.

Стог сена, заготовленный на крутом склоне, летом доставить было проблематично, вся надежда на зиму, когда его можно утащить волоком. Ни трактором (да и где он, трактор!), ни конем невозможно – слишком круто и опасно. Но где коню нельзя, можно человеку.

– Ты, Марфа, знаешь, там метров триста, может, больше, надо пробить дорогу поперек склона горы, где крутизна под 35 градусов. А загвоздка в том, что все это над скальным выступом. Если сорвешь или тебя снесет, то не поздоровится – будешь скакать через эту скалу. Шею сломать можно. А уж дальше будет легче – скоростной спуск, хотя и там придерживать надо, чтобы всем не улететь.

– Вот беда-то какая! – причитала Марфа. – Однако, я с вами пойду, может, как-то подсоблю.

– Ты что, мама, – вступил в разговор Степа, – мы втроем управимся без проблем.

Но мать на своем:

– Нет, нет, я с вами.

И отец тоже:

– Бесплезно ее уговаривать, все равно пойдет.

Хочешь не хочешь, а работу делать надо. В ясный морозный день Петр Иванович распределил обязанности сенной операции. Он со Степой в роли тягловой силы, Роман поддерживает бок стога снизу, чтобы не ушел, не свалился под откос. Марфа (самовольно) бегает вдоль по дороге вниз, подает советы, больше похожие на команды. Отец сердито от них отмахивается, временами огрызаясь, и тянет свою линию (и воз сена) вопреки указаниям жены.

Рома:

– Степа, вы как бурлаки у Репина. Давайте я покомандую: «Эй, ухнем, эй, ухнем! Сама пошла, сама пошла!»

– Ты гляди, сам не улети. В волокуше-то явно более ста килограмм будет.

Не успел договорить, как прямо над скалой возок выдернуло из колеи, и Роман вместе с ним кувыркком полетел вниз.

– Ах! – только вскрикнула Марфа, а Степа с отцом с ужасом молча смотрели на цирковой трюк с сальто мортале Романа.

Великолепен воздушный пируэт вместе с освежающим фонтаном снега и заключительный аккорд с мягким приземлением в полуметровый снежный сугроб.

– Рома, ты как?!

Восхитительное ощущение свободного полета из пушки на луну и столь же приятное, мягкое приземление.

И мать:

– Рома, ты не ушибся?

– Будто нырнул в океан с газированной водой.

На этот раз все обошлось. Пролетев метров пятнадцать над скалой, Роман зарылся в снег, который его и спас. Рассек немного обо что-то бровь, в общем, отделался, как говорят, легким испугом, и прибавилось работы. Сено оказалось разбросанным, и его пришлось долго собирать, в том числе со скалы. Потом уж по дороге до дома возок тащили на лыжных нартах тройной человеческой силой.

* * *

На чудскую копь выбрались в полном составе. Дорога неблизкая, а снег глубок, без ночевки не обойтись.

– Гоша, а ведь пасека-то тебе знакомая, – напомнил Роман.

– Говоришь так, будто я не знаю.

Знакомый Роману пчеловод на самой дальней пасеке у Логоухи встретил друзей на крыльце:

– Никак, мужики, за гусями притопали?

– А что, дядя Финоген, неужто Агафона признали? Тогда ж темно было!

– Как не признать, мы же не в городе живем, а в лесу каждый человек на виду, все наперечет. В тайге все видно, и земля слухом полнится. Ну, проходите, чай, набродились по снегу-то.

– А не жалко тогда гусей было?

– Вот еще скажешь! Мы тогда с женой порадовались, что мальчонка живой и здоровый домой возвратился.

– Так вот он перед вами стоит.

Роман вытолкнул Агафона напоказ.

– Да я уж и так признал. Как тогда гуси, хороши ли были? Раздевайтесь, отдохайте, пока моя Марья вам лапшу с гусятиной приготовит.

Утром вышли не так рано, как бы хотелось, но хозяйева не выпустили, пока не накормили в дорогу.

Дальше, в верховьях Хамира, и летом редко встретишь человека, а зимой тем более, полное безлюдье. Белая пустыня, где тишину нарушают лишь редкий щебет синиц, стук дятла да звонкий крик ворона, возвращающегося с кормежки близ человеческого жилья. Тяжко брести по рыхлому глубокому снегу, прокладывая лыжню. Шли попеременно, сменяя друг друга. Лыжи хотя и широкие, а проваливаются по колено. Терпи, казак, атаманом будешь.

– Гляди-ка, и водопад на реке замерз.

От брызг поверх воды образовался ледяной панцирь, река под ним шурует, и кое-где темнеют незамерзающие полыньи. Среди ослепительно белых снегов эти полосы живой воды кажутся черными. Но что за зверек выскочил на береговой припай? Почти черный, быстрый, размером с кошку. На миг остановился, оставив усатую мордочку на людей, и снова нырнул под снег.

– Так это же норка! – признал Егор. – Для нее что вода, что снег, везде пройдет, будто и нет никакого препятствия.

Шаг, еще шаг, глотая морозный воздух, Роман упорно буровил снег. Говорить не хотелось, но мысли одна за другой теснились в голове. Что за чудеса и как так вышло, что проложенная человеком выработка вдруг сменилась подземной полостью естественного происхождения? И эта медведица, что пыталась устроить берлогу в штольне: оставила ли она ее в покое и не устроила ли в ней свое логово? Любопытство и уверенность в том, что эти вопросы они наконец разрешат, придавали силы.

Следом, сосредоточенно и настойчиво сражаясь со снегом, молча шли остальные, и лишь Агафон то и дело комментировал происходящее вокруг или развивал фантазии, рождавшиеся у него в голове.

– Вот сорока, – говорил он, – где она? Нет ее здесь, все они сейчас рядом с человеком, без него им хана. Никакой жратвы нет для нее зимой в лесу. Или синица, не хуже сороки, как осень, так она в деревне. Человек ее привлекает и все, что вокруг него.

– Ага, мясниками их зовут, – отозвался Егор. – Где скотину режут, они тут как тут. Выставляют на мороз тушу, так всю исключют.

– А тебе и жалко стало, – не поддержал Егора Степан. – Подумаешь, кроха тебя обидела.

– А вот кедровка и сойка в лесу как-то обходятся без человека.

Егор хотел продолжить этот разговор про лесных птиц, но Степу уже привлекла другая тема.

– Смотрите, как снег на горе блестит. Лавиноопасный участок.

– Нам он не грозит, слишком далеко до нас.

– Ты плохо знаешь коварство оплывин, – возразил Степа. – Бывает, так ударит, что на противоположный склон вылетит. Правда, Рома?

Роман промолчал, но вспомнился ему давний эпизод из раннего детства, когда еще жили на Юзгалихе. Он, школьник второго класса, учился тогда в начальной школе в Подхозе. От дома всего пара километров, но по пути на горе висит снег, в любую минуту готовый свалиться на голову. Чтобы не ходить каждый день и не подвергаться опасности, жил там в чужой семье, как говорил отец: «в людях». Но ведь раз в неделю, в воскресенье, как не побывать мальчишке дома! Было раз, пришел за ним отец в большой снегопад, по-местному «кить». Говорит: «Подождем, сынок, чую, вот-вот свалится оплывина. А тут самое опасное место, как бы нам под нее не попасть!» Снег рыхлый, как пух, и навалило свежего выше колен. И вот стоят они, смотрят, как струйками то там, то там стекают по склону снежные ручейки. Дом совсем близко, слышно, как взлаивает Трезорка, видно, мать вышла покормить его. И идти-то всего ничего, а вот поди-ка какая незадача. Отец все притоптывал и говорил: «Бывает, оплывина сорвется от упавшего с ветки кома снега или от того, что громко чихнул». И тут что-то зашуршало на горе, и снег с шипением помчался на них. В ту же секунду резко ударила волна упругого воздуха, дыхание перехватило, лицо забила снежная пыль, и какая-то слепая чудовищная сила чуть не сбила их с ног. Легкие забивала сухая снежная пыль, Роман чувствовал, что задыхается. И вдруг все стихло и остановилось. К счастью, оплывина прошла мимо, хотя и совсем рядом, и не задела их. Маленький Рома говорит: «Теперь идем, папа, оплывина прошла». А отец ему: «Погодим еще чуток, как бы следом и вторая не жахнула». И верно, все опять повторилось. Одна лавина упала на другую.

Еще немного подождали, и отец говорит: «Вот теперь можно. Я пройду, а ты жди, когда я тебе сигнал дам, не дай бог, как бы третья не пошла. А уж тогда иди скоро, не останавливайся». Рома шел по оплывине и удивлялся: свежий снег мягкий да рыхлый, а тут лежал твердый, что твой бетон...

Полузаплывший снегом вход издали выдавал штольню. Куржак повис на ветвях близстоящих деревьев, штольня дышала, изморозью украшая все вокруг себя.

Все остановились, оглядываясь. Нигде никаких следов, штольня никого не привлекала и казалась чужеродным явлением в тайге.

– Доставай свою пушку, – скомандовал Роман, обращаясь к Егору, – посмотрим, спрячется ли кто в этом убежище.

– Да нет там никого, – уверенно сказал Степа. – Даже зайцы и те стороной обходят эту дыру. Вон они, следы, и все мимо. Заяц потопчется рядом, а в штольню почему-то не хочет лезть.

– Значит, боится, – многозначительно сказал Егор.

Сняв ружье, он пальнул раз, другой. Эхо разнеслось по лесу и смолкло вдали у вершины скальной гряды.

– И верно, никого, – согласился Рома, снимая лыжи.

Гусяком все втянулись в штольню; свет карбидок довольно тускло осветил замороженные стены, сверкающие снежной изморозью. Зима, а в Подземном городе то ли весна, то ли осень, и не зима, и не лето.

– Не вижу особого комфорта, – проговорил Роман, осматриваясь. – Сквозняк тянет, где уж тут зимовать медведю. В берлоге и то лучше.

Егор его поддержал:

– Ну да, там хоть не дует, и медведь сам себя обогревает под снежной шубой. Надышит, и тепло. Сосет себе лапу, и никаких забот. А здесь ни того, ни другого. И следов его постели не видно.

– Какая еще постель?

– Та, что готовит Михайло Иванович для зимы. Там и валежник, и кучи веток. А как же иначе спать, не на голой же земле? А то, бывает, еще поворочается с боку на бок, чтобы лежанка поудобней получилась, по форме тела. А здесь ничего этого нет, кроме заваленного камнями чудика.

– Вот и хорошо. Первое препятствие, считай, преодолено. Лучше мертвый бергал, чем живой медведь. Двигаем дальше, – командовал Степан.

По очереди пролезли в пролом.

Степа разглагольствовал:

– Вот осенью зашли сюда и поразились полной тишине сразу-то после яркого солнечного дня с щебетом птиц и шумом реки. А сейчас мрак и полное безмолвие что на улице, что в подземелье.

– Беспросветная тьма, таинственная и враждебная, – поддержал его Роман. – Царство бога подземного мира Аида, где обитают мертвые... Однако благодаря пещерам не вымер человеческий род.

– Теперь осторожней, тут провал, – предупредил Степан. – Сначала надо осмотреться.

Пламя двух карбидок едва пробивалось сквозь непроницаемую тьму пустоты, лишь ближние обломки грунта высвечивались светлыми пятнами. Роман внимательно разглядывал стенки подземной камеры.

– Кажется, я понимаю, в чем дело, – наконец сказал он. – Здесь везде известняк, порода, растворимая в воде. Отсюда и образовавшиеся подземные пустоты, по существу, водяные промоины. Называется карст.

– Тут есть боковые ответвления, похожие на норы, но они малы, – на правах ранее здесь побывавшего объяснял Степан, – их несколько, и в них можно запутаться, потерять ориентировку и вообще заблудиться. Надо бы сделать метки, пронумеровать их или дать название каждой.

Роман согласился, добавил:

– А я думаю, надо сделать план, как делают в шахтах и на рудниках, и тогда все будет ясно, и не заблудишься.

Пробыв в подземелье не более двух часов, поздним вечером в тот же день путешественники вернулись домой.

Мосты и переправы

– Живем, как Робинзон Крузо на необитаемом острове, – как-то заметил Петр Иванович. – Одних переправ через реки целых три: Бухтарма, два раза через Хамир, – начал перечислять он. – А сколько речушек, мочажин, болотин.

– А Большую речку забыл? – поправила жена. – По весне вон как разыграется, страсть какой страшной бывает! Даже наша Юзгалиха, и та норы свой показывает. Да что там говорить, всегда так жили и наши родители, и деды. Это ты, Петр, из Рассеи-матушки, а мы алтайские люди, горы да реки завсегда нам родными были, тут и бродили, и плавились и на лодках, и на плотках. На конях верхом вплавь реки переплывали. И женщины, и девушки все на лошадях сидели, и телег знать не знали. Да и куда с телегой по горам без дороги, так только намаешься с ней. Волоком да потаском, как на санях, все на волокушах перевозили. Это уж позже плугом, запряженным крепким конем, горы буровили, дороги по оподольям выгребали. На то они копами и стали прозываться, что копанные по нашненскому чернозему.

– А я все удивляюсь пародам-самолетам, – вставил Петр Иванович, – хитро и просто, а главное, без всякого движка плывет, куда надо. Надо на левый берег – плывет, надо на правый – плывет обратно и с той же скоростью, только поверни подводный руль. Ни соляры не надо, ни лошадей, словом, сам летит, не то что аэроплан – без бензина никуда.

– Самолет-то самолет, только не на каждую реку его поставишь. Для Бухтармы он хорош, и течение и глубина соответствует, а вот поставь на Хамир, как обмелеет река – на дно ляжет. Так что везде есть свои проблемы, – закончила Марфа.

– На то оно и есть здесь настоящее Беловодье, – соглашается Петр Иванович. – Места богатые, но дикие. Молочные реки, медовые берега. И травы медоносные, и дичь есть, и ягоды. И красота неопишная. А за все это надо платить. Расплачиваться тяготами бытовухи.

– А ты как хотел? Отрезанные от мира, потому и благодать в природе. Баловаться и поганить некому, и то хорошо. Искатели Беловодья, они ведь не дураки были. Увидели реки, леса, горы, земля чернозем и зверья полно и сказали: «Здесь и будем жить за семью замками».

– Ты, Марфа, не забывай, что вот-вот железная дорога подойдет к Зырянскому, а там, глядишь, и к нам дорогу пробьют. Автомобильную. Я недавно разговаривал

с начальником нашего леспромхоза. Он говорит: «Сделаем мост через Бухтарму. Сколько можно терпеть? – нам лес возить надо, а на пароме не навозишься». Деловой этот мужик Родькин. Молевой сплав по Хамиру собираются закрывать, значит, дорога нужна. Родькин обещает: сделаем, мол, сами мосты. Сначала через Бухтарму, а потом и через Хамир перебросим. А от государства не дождешься, самим надо мараковать, выход искать из нашего положения.

– Далеко замахнулся этот Родькин. Бухтарма – река непростая, с норовом. Ума не приложу, как это можно перекинуть через нее самодельную переправу. Она как поперет! Зимой еще куда ни шло, а вот летом...

– Об этом нам с тобой бесполезно рассуждать, им виднее. Говорят, на стальных канатах настил будут класть. Копь на Путинцево расширят.

– На Путинцево само собой. Там рудник, большой поселок. А ведь была еще царская дорога по другой стороне Хамира. Тележная. Узкая, конечно.

– Знаю я ее, – откликнулся Петр Иванович, – местами она до сих пор сохранилась и даже по копи у подножья Ларихи. Для зимы она хороша. Через Бухтарму переехал по намороженной времянке, а дальше до самой Козлушки ни одного моста, ни одного брода. Разве что ручьи по пути какие есть. Получается, что мы почти на острове живем, до нас добраться – надо три раза плавиться! Раз на пароме и два раза на лодке.

– Видно, такая уж наша доля, – вздохнула Марфа, – как возили грузы на конях в турсуках и куржумах сто лет назад, так все и осталось. Разве что мед теперь загружаем не в деревянные бочонки, а во фляги.

– А я, мать, надеюсь, что скоро все изменится. Будут и мосты, будут и дороги. На автомобилях будем ездить. Двадцатый же век идет!

И верно, через три года кое-какой прогресс был. В 1953 году построили деревянный мост через Бухтарму, а через год замахнулись и на Хамир.

В зимний вечер 1954 года Петр Иванович отдыхал после трудового дня:

– Вот послушай-ка, Марфа, я прочитаю тебе, что пишет наша газетка «Союзный рабочий» про Родькина. Того, что построил мост через Бухтарму.

– Ну и что же пишут? Слава богу, что мост изладил. Спасибо надо ему сказать.

– Так теперь его ругают, правда, за другой мост, за шумовский. Пишет некий Багрянов.

– Ну-ну, читай.

– Погоди, света надо прибавить. А так только глаза портить. Подрежь-ка фитиль. Обгорел весь. Вот, вот, теперь лучше стало. В газетке-то шрифт мелкий.

«Расскажем мы о золотой лодочке. Чудес она, правда, никаких не делает, но выгоду приносит громадную. К тому же это не сказка, не миф, а настоящая быль. Владеет этой лодочкой Антон Филиппович Блинов. А плавает она по буйной реке Хамир, что протекает у села Шумовска. Быть бы сей лодочке не у дел, если бы здесь уцелел мост. Строил его леспромхоз под мудрым руководством т. Родькина. Строили наскоро, на глазок, и получилось по половице: “Сбил, сколотил, сел да поехал, оглянулся назад, одни спицы висят”. Вздулся слегка Хамир, поднатужился и выбросил мост на берег, как щепку. Лежит он там без пользы и по сей день».

– Видела я этот разрушенный мост, – прервала чтение Марфа, – верно, снесло его. Он же, этот наш Хамир, хоть что поперет, только воды подбавь. И на Родь-

кина этот корреспондент зря напал. Ополчился почем зря. Верно говорят: «Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает». Да он еще набросился на Блинова, что людей перевозит на лодке! Я сама с ним переезжала с месяц назад. И слава богу, что перевезли, а так бы куковать мне на том берегу.

– А вот, слушай, что он про него пишет:

«С того рокового времени и началась история золотой лодочки. Жителей, желающих перебраться с одного берега на другой, здесь очень много. Они идут из Козлушки, Столбоухи, Зеваки. К их услугам проворный перевозчик предоставляет свою посудину, которая, надо сказать, весьма вместительна. В нее может войти человек пятнадцать. Но перевозчик не особенно придерживается нормы и смело доводит число пассажиров до 20 и даже 25. То, что некоторые из них прижаты к самому мокрому дну, а иные сидят у них чуть не на шее, нисколько не волнует Блинова. Суденышко, удерживаемое канатом, тяжело трогается к противоположному берегу. Свирепый Хамир обдаёт путников холодными брызгами, волны заплескиваются в лодку. Но это еще цветочки, ягодки впереди. Не доплывая до берега метров пять, он останавливает свой “корабль” и грозным басом командует: “Прыгай! Не то обратно увезу!” И люди, поеживаясь, нехотя соскакивают в воду, предварительно сбросив с ног обувь. Выжав подмоченные подошвы и брюки, пешеходы, проклиная перевозчика-живодера, отправляются в свой путь. А Блинов уже сажает новую партию пассажиров, взимая с каждого по два рубля. Когда скапливается много народу, плата за перевоз резко подскакивает вверх. “Три рублика гоните!” – приказывает хозяин перевоза и протягивает вперед руку, выразительно потирая двумя пальцами. Каждый рейс приносит ему по полсотни рублей, а иногда и больше. В отдельные дни предприимчивый делец выручает по три-четыре тысячи! Это месячный заработок шахтера.»

– Ну, что ты скажешь на все это? Видишь, как разделали Антона Филипповича, можно сказать, по первое число. Так что теперь, гнать его надо?

– Блинов-то, конечно, крутой мужик, тут ничего не скажешь. Можно сказать, барыга, но ведь он нужное дело делает. Гнать – это легко сделать, а вот как людям через Хамир перебираться, этот корреспондентишко не написал? Критиковать-то и дурак может, а вот дело сделать – это потруднее будет.

– И по Родькину проехался этот корреспондентишко. Это вместо того, чтобы кланяться ему и благодарить. Сколько людей теперь бухтарминским мостом пользуется. Путинцева без моста бы не было. Я бы этому Родькину орден дал за мост. Это ж надо: своими силами без государства одолеть такую реку. Бухтарма – она же не шутка, разве что один Иртыш сильнее ее будет.

– Помню, помню, как мучились без моста. Бывало, по несколько дней сидели на берегу, ждали переправу.

– А что до моста в Шумовске, так я думаю, Родькин его еще наведет. Вот попомните мое слово. Родькин этот человек дела, зря слова на ветер не бросает. Вот у нас бы еще эту проблему решить. Получается, есть предприятия, а что бы они без Родькина делали? Даже один человек может много значить.

– У нас дело похужее будет, – с грустью откликнулась Марфа. – Без моста как на острове живем. Из-за этого и люди не хотят здесь оставаться. Народу всего ничего в нашем краю, да и те разъезжаются. Екипецкий на ладан дышит, наш Подхоз вот-вот исчезнет. Что там, всего-то здесь нас не больше сотни людей наберется. Не больше двадцати дворов всего.

– Нет, сотни нет, – откликнулся Петр Иванович, – даже с пасечниками не более восьми десятков будет. Так что были лесными островитянами, ими, видимо, и останемся.

– Это куда же годится, каждый год люди на переправах гибнут, – продолжала Марфа. – И весной Хамир дань свою берет, и летом в пору разлива, а когда дожди заладят, даже Тегерек норов свой кажет. Нет, не дело это рисковать, и куда власти смотрят?

– До властей от нас далеко, надеяться надо на своих, – отвечал Петр Иванович. – На леспромхоз, на лесхоз. Глядишь, и свинцовый комбинат поможет. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. Нынче, как снег растает, сами будем ладить подвесной пешеходный мостик через Хамир. Стальные тросы выпросили, списанные, у комбината. Место уже выбрали напротив копи. Там берег высокий, с выходом скальных пород. Закрепить трос можно надежно в бетонной тумбе. На правом низком берегу дело похужее будет. Придется за пихту цеплять.

В погожий апрельский день собравшиеся обитатели Екипецкой долины – в основном пасечники – методом народной стройки навесили мостик, и он, худо-бедно, прослужил лет пятнадцать.

К сказанному следует добавить, что Бухтарминский подвесной мост верой и правдой прослужил до 1976 года, когда государство наконец построило капитальный, бетонный. Вот уже 2018 год кончается, а от старого моста все еще заметен бугорок, водяной бурун на месте деревянной опоры. Что касается Шумовского моста, то он служил гораздо больше. Да и куда денешься – другого-то ведь не было. Правда, грузовые машины в последние десять лет уже не ходили по нему, переезжали вброд. Ненадежен, да и узок он был, дай бог «жигулям» проехать. Легковые с риском, предварительным осмотром и кое-каким крепежом осторожно все же пробирались. Но всему приходит конец. Летом 2006 года какие-то охламоны ехали на «москвиче», доска на мосту «сыграла», подпрыгнула и пробила бензобак. От выхлопной трубы вспыхнул бензин. Охламоны каким-то чудом успели выскочить, а бензобак взорвался с оглушительным шумом. Мост, вернее, то, что от него еще оставалось, загорелся, и дым стлался аж до самой Козлушки. Так окончил свою жизнь славный Шумовский мост, и печальная весть об этом разнеслась по всему бывшему Союзу. Согласно Интернету, его оплакивали туристы от Питера до Иркутска, что явилось неожиданностью для зырянцев. С этого момента в таежный край снова пришло бездорожье, безлюдье и глушь, какого не было и сто лет назад.

Рассказ о путешествии Брема

У Петра Ивановича на чердаке завалилась старинная книжка «Жизнь животных» немецкого натуралиста Альфреда Брема. Мальчишки обнаружили ее и зачитали до дыр. У Степы и Романа она стала любимой, ведь там рассказывалось о жизни диких зверей, тех, что живут у них в лесу. А какие там картинки! По ним можно узнать и определить всех обитателей тайги, что летают и бродят вокруг их дома, изредка выглядывая из зеленой чащи.

А тут еще Станислав подогрел интерес:

– Роман, в библиотеках Томска разыщи книгу о путешествии Брема по нашим местам, по тайге Алтая. Прочтешь – не пожалеешь.

– Неужели столь знаменитый автор бывал в наших краях!

– Не только бывал, но и все описал. Про станицу Алтайскую, как тогда называли Катон-Карагай, про озера Зайсан и Маркаколь и даже про Зыряновск. А было это в 1876 году.

И вот теперь тоска по родным местам, по тайге, по Большой Речке заставила Романа отправиться в библиотеку. И верно, в читальном зале университетской библиотеки нашлась эта редкая книга. Домой ее не давали, но и в библиотеке заполучив ее, Роман так углубился в чтение, что забыл обо всем на свете. Стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц соседней, таких же студентов, как и Роман. Мыслями и всем своим существом он полностью перенесся на восемьдесят лет назад. Порой ему казалось, что и он сам путешествует с немецкими путешественниками. Конечно, его интересовала та часть книги, где описывался переход из Семипалатинска до озера Алаколь, а оттуда на озеро Маркаколь, через тайгу и горы в Катон-Карагай и Зыряновск. Как живые в сознании Романа вставали образы не только самого Альфреда Брема, но и губернатора Полторацкого и его жены, известного фотографа и публициста Лидии Константиновны, жителей деревень, офицеров и служащих городка Зайсан и Зыряновска. Роман не мог оторваться, пока не дочитал рассказ о путешествии Брема и его спутников по Восточному Казахстану.

Экспедиция в Западную Сибирь была организована в 1876 году при содействии Императорского Русского географического общества и при материальной поддержке сибирского мецената А. М. Сибирякова. Основной целью экспедиции было исследование севера Западной Сибири, поиски северного морского пути к Сибири, но начиналась она гораздо южнее Алтая. Руководитель экспедиции биолог Отто Финш пригласил в нее своего друга и коллегу по профессии – уже знаменитого Альфреда Брема, и к ним присоединился граф Вальдбург-Цайль-Траухберг – военный с университетским образованием. Кроме того, в экспедицию взяли в качестве слуги Ивана Клюге и переводчиков Мартына Дзервита и Михаила Паншина.

Из Петербурга через Москву на санях по Волге они добрались до Казани, оттуда поехали в Пермь. Затем на тарантасах через Екатеринбург – в Тюмень, а затем в Омск. Из Омска по Иртышу на пароходе сплыли до Семипалатинска. Местные власти, жители городов, интеллигенция, уже знакомая с книгами Брема (что очень удивило Брема), восторженно принимала автора «Жизни животных». Все было похоже, как когда-то с случилось с великим Гумбольдтом. Радушие, похожее на желание угодить, простиралось до того, что на отдельных участках экспедицию сопровождали главы местных властей: семипалатинский губернатор генерал В. А. Полторацкий и уездный начальник В. Е. Фридерихс. И здесь надо сделать оговорку: не только преклонение перед знаменитостью и служебное рвение двигало обоих чиновников высокого ранга. Вся семья Полторацкого, включая жену Лидию Константиновну и детей, любила путешествовать, а сама генеральша занималась любительской фотографией и была известна как автор очерков этнографического и географического характера. Все: немцы и русские – были в высшей степени интеллектуалы, сам губернатор был известным исследователем и специалистом по Средней Азии, вся его семья владела несколькими языками, так что им было о чем беседовать, обсуждая самые разные аспекты жизни, и в первую очередь научные. В свою очередь немцы были интересными и приятными

собеседниками: Финш – деликатный и интеллигентный, интересующийся всем на свете, Брем – очень общительный, речистый весельчак и шутник.

Уже подъезжая к Семипалатинску, проголодавшиеся путешественники встретились с радушием губернаторской семьи. Вид захудалого городка несколько разочаровал гостей, зато они были приятно удивлены гостеприимством его начальства.

Здесь их ожидал верховой, который проводил до квартиры, предусмотрительно приготовленной для них в доме помощника полицмейстера, коллежского секретаря Николая Герасимовича Герасимова.

Несколько дней, проведенных в Семипалатинске, пролетели быстро и незаметно. Гости готовились в дальнейший путь, а Брем хозяйничал в фейерверочной хозяина – комнате для приготовления патронов для охоты. «Много же их запасали, если в течение двух дней набивкой гильз вместе с Бремом по распоряжению губернатора занимались четыре солдата, – подумалось Роману, – значит, и дичи выдилось неисчислимо».

1 мая Брем вместе с местным полицмейстером, отличным стрелком, отправился на охоту на бекасов.

Цветущая степь звенела голосами жаворонков, весенние лужи кишели водоплавающей птицей. Сотенные стаи куликов, среди которых выделялись экзотические шилоклювки и ходулочки, целые табуны журавлей, яркие цветные утки-огари, пеганки – все это могло привести в восторг любого натуралиста, и Брем в полной мере наслаждался торжеством столь богатой жизни. Брем, с восьми лет бродивший по лесу с ружьем, был прирожденным охотником. В бытность свою в Африке он отстреливал на чучела сотни птиц, но это была не охота промысловика или любителя, а работа натуралиста, вынужденного убивать птиц и зверей ради науки, ведь сбор коллекционного материала был одной из основных целей экспедиции. Вот и здесь трофеи в виде множества различных куликов, диких уток и прочих птиц пошли на кухню, а их шкурки – для коллекции в научных целях.

Утром 3 мая путешественники простились с Семипалатинском и направились на юг, в Казахскую степь к Аркатским горам, расположенным в 107 верстах, где намечалась первая остановка и была запланирована организованная губернатором охота на архаров. Все было ново для немецких ученых, все в диковинку, но с особой радостью они впервые увидели чудесную птичку, эндемика казахских степей – черного жаворонка.

Уже в полной темноте, ближе к полуночи путники увидели огни горящих костров. Это было заранее приготовленное становище, и у красиво убранной юрты гостей ждала хозяйка – генеральша. На ужин подавали прекрасно приготовленные восточные блюда – плов и шашлыки. Экстравагантность генеральши не знала предела: на пикник в честь гостей она приказала привезти пианино и вместе с дочерью музицировала прямо в поле, чем привела в изумление не только немцев, но и местных аборигенов, впервые увидевших этот музыкальный инструмент. Обсуждая это между собой, они пришли к выводу, что обладая таким инструментом, они без труда побеждали бы на любых айтысах.

Несколько дней путники охотились в Аркатских горах, но только одному Брему посчастливилось добыть архара.

Здесь немецкие путешественники расстались с семейством Полторацких, но договорились встретиться вновь в урочище Майтерек на южной окраине Алтай-

ских гор, куда они должны были прийти через месяц. В свою очередь губернатор решил совместить свой ежегодный объезд границы с путешествием Брема и его спутников. Так все и вышло.

Посетив озеро Сасыкколь и Алаколь, Брем и его спутники достигли предгорий Джунгарского Алатау, где с 1 по 4 мая охотились в окрестностях Лепсинска и знакомились с природой и животным миром на озере Жасылколь в ущелье реки Аганакты, после чего повернули назад, на север.

По реке Тентек они снова прошли на Алаколь, а затем направились в сторону Тарбагатая. Пройдя вдоль южного склона хребта, экспедиция достигла пограничного поселка Бахты, откуда по долине реки Эмель прошла в пределы Китая. Из Чугучака путешественники поднялись на вершину Тарбагатая и перевалом Бургусутай спустились в Чиликтинскую долину.

В середине мая путешественники прибыли в Зайсан, где их ожидал самый теплый прием. Зайсану, приютившемуся у подножья Саурских гор, было всего семь лет, но это уже был вполне уютный поселок с 2000 тысячами жителей и 163 домами, с крышами и улочками, засаженными молодыми тополями. Брему и его спутникам было представлено все городское общество. В честь гостей в парке на берегу Джеминейки вечером был устроен фейерверк и концерт хора казаков. Все это произвело впечатление на немецких гостей, вовсе не ожидавших встретить в таком «медвежьем углу» цивилизацию и образованных людей. Но Брема интересовало совсем другое, гораздо лучше он чувствовал себя среди людей близких по духу – охотников, чабанов, крестьян. Они могли рассказать о диких животных то, чего не знали и ученые, а именно за этим и приехал сюда Брем. Более всего его интересовали сведения о таких редких животных, как дикий верблюд, кулан, снежный барс, улар, сибирский козерог. Лучшим знатоком местного края считался А. С. Хахлов, облазивший окрестные горы. Он поделился всем, что знал, познакомил с местными охотниками, вместе с майором Тихоновым содействовал немецким зоологам в приобретении шкур горного леопарда, как называли тогда снежного барса, куланов, бывших тогда обычными в призайсанских степях.

Из Зайсана Брем совершил экскурсию в горы Саур, где по совету Хахлова охотился на уларов, а затем вся экспедиция по почтовому тракту прошла до реки Кендерлик, пересекла пески и вышла к Черному Иртышу у сопки Ак-Тюбе. Здесь путешественники пересели на приготовленные для них лодки и спустились до плавней в устье Черного Иртыша, где познакомились с местными рыбаками и ихтиофауной, после чего вышли в Зайсан, пристав к Бакланьему мысу на северном берегу озера. Полюбовавшись живописными останками прибрежных глин, экспедиция направилась на север, в сторону виднеющихся на горизонте Алтайских гор.

Призайсанская степь встретила их шелестом ветерка в зарослях ярко-желтых ферул и невысоких кустиков саксаула, звоном кобылок и пением многочисленных жаворонков – видов, многие из которых Брем и его спутники видели впервые. Особое умиление и даже восторг вызывал черный жаворонок – маленькая, задорная и очень бойкая птичка необычного для жаворонка угольно-черного цвета с желтым клювом. Пригнувшись, она бегала по земле, как мышь, или, сидя на макушке куста, весело распевала песни. Было много и других интересных встреч, ведь Зайсанская котловина, несмотря на пустынность, богата животными, есть здесь и виды, нигде более не встречающиеся. Путешественникам повезло: они

не только видели куланов, журавлей-красавок, дроф-красоток, стрепетов, бульдуруков, саж, сурков, но и поймали недельного куланенка.

У речки Калгуты экспедиция вступила в предгорье Курчумского хребта. Березовые рощицы, заросли кустарников, выветрелые гранитные скалы сопровождали путешественников до местечка Майтерек, где они сделали дневку для отдыха и охоты, встретились со своими друзьями, губернатором Полторацким и тронулись дальше. Отношения между местными российскими властями и немецкими гостями были самыми сердечными... Это чувствовал и Роман, два дня не отрываясь читавший книгу в читальном зале библиотеки.

С нетерпением Финш и Брем ожидали появления своих друзей. Около часа облака пыли и конский топот возвестили о приближении поезда, который оказался гораздо более многочисленным и блестящим, что удивило немцев и даже привело в восторг. Впереди под предводительством опытных пастухов скакал целый табун лошадей, голов в шестьдесят, которые должны были доставлять молоко для приготовления свежего кумыса, служившего живительной влагой для многочисленных казахских старшин. А их было много, и среди них султаны, украшенные медалями и другими знаками отличия, все на отличных лошадях и в сопровождении многочисленных верховых, перед которыми конвой исследователей, состоящий из восьми казаков и дюжины казахов, совершенно терялся. Тринадцатилетний сын губернатора Саша, искусный и неустрашимый наездник, ни за что не хотел уступить в верховом искусстве казакам и казахам и первым прискакал и приветствовал путешественников. Вскоре показался и генерал, его смелая супруга и юная дочь. Как и следовало ожидать от такого любезного семейства, свидание было столь же непринужденно, сколько искренно и радушно, и вскоре все уже сидели за обедом в уютной юрте, весело делясь друг с другом случившимся за последнее время.

Отсюда начинался самый трудный путь. Поднявшись по ручью Узун-Булак до вершины Салкын-Чеку, экспедиция двинулась вверх по гребню хребта, по тропе, по которой чабаны гоняли скот на местные пастбища. Где-то здесь всего 13 лет назад прошел Г. Потанин, еще раньше Карелин и, возможно, давным-давно, еще в конце 18 века искатель ревеня И. Сиверс.

К трем часам после полудня путешественники достигли узкой луговины, лежащей на высоте 1600 метров и замкнутой кругом снежными горами. Тут предполагалось расположиться на ночь, после того как в этот день перешли 14 речек и три перевала – первый на высоте 1500, второй – 1400 и третий – 1720 метров, причем первый составляет границу с Китаем. Снег и град сменились ливнем, а что касается дороги, то о ней не могло быть и речи. Путники поднимались все выше и выше вдоль пенящихся речек, пересекали их, иногда долго ехали по их руслу, а где утесы преграждали путь, карабкались по узким уступам высоко над бурлящими стремнинами, надеясь только на лошадей и проводников-казахов. Финш нигде не пишет, договаривались ли с китайцами о пересечении границы, но в то время свободный проезд вполне допускался. Более того, Полторацкий, ежегодно посещая озеро Маркаколь, тем самым как бы подготавливал передачу его России.

Лидия Константиновна, невзирая на усталость и тяготы пути, вела фотосъемку, то и дело устанавливая громоздкий фотоаппарат, делала и коллективные снимки, и пейзажные, а однажды, отстав, задержалась до полуночи и потом вынуждена

была догонять остальных уже в темноте, и это при ужасающих условиях дикой тайги, чем вызвала немалое беспокойство как генерала, так и его гостей.

В следующие два дня шел дождь, перемежающийся со снегом. Измученные, промокшие путешественники пробирались сквозь дебри и скалы, и вдруг неожиданно открылся вид на Маркаколь.

– Это превосходно! – воскликнул Брем, глядя на зеркальную гладь огромного озера, окруженного горами, на вершинах которых сверкал снег.

Несмотря на непогоду и туман, струившийся над водой, озеро поразило путников своей дикой красотой. Со всех сторон к огромному водоему подходили лесистые горы, длинными мысами вдаваясь в водную гладь. Ключья тумана клубились в распадках, белыми призраками поднимаясь к вершинам скалистых гор.

Путешествие через озеро Маркаколь и перевал Бурхат в долину Бухтармы заняло восемь дней и было полно приключений, временами опасных и рискованных, но зато путники вдоволь налюбовались такими пейзажами, которые они вряд ли где еще могли бы увидеть. Они мерзли под проливными дождями, пробирались через бесчисленные бурные потоки и завалы снега, зато по вечерам грелись у костров, слушая заунывные, берущие за душу казачьи песни. Единственно, что всех огорчило: царица алтайских гор Белуха, хорошо видная с перевала Бурхат, на этот раз была закрыта облаками. Тем не менее, казаки, сопровождавшие отряд, с радостью отметили возвращение на русскую землю. Граница с Китаем проходила как раз через перевал. Здесь закончился горный маршрут, дальше путников ожидал более легкий путь по обжитым местам. За время похода люди так свыклись друг с другом, что многие получили дружеские прозвища. Финша, занимающегося на бивуаках съемкой шкурок с птиц и зверей, прозвали поваром, а Брема за его массивный нос – носачом.

Роман и удивлялся, и гордился, что живет в горах Алтая, о путешествии по которым автор книги выразился так: *«Я прибавлю от себя, что восхождение на вершину Грей-ника в Скалистых горах США высотой 4600 метров может быть названо детской прогулкой сравнительно с тем, что мы вынесли на Алтае»*. Кстати, как заметил Роман, книгу написал вовсе не Брем, а Финш. И получилось так, что, пригласив в экспедицию знаменитого друга, Финш оказался на вторых ролях и даже авторство как бы перешло от него к Брему, что явно несправедливо.

Спустившись в долину Бухтармы, путники наконец попали в населенные места, где встретили самый теплый прием в станице Алтайской, как назывался тогда Катон-Карагай.

«...Из немцев мы были первыми посетителями Алтайской станицы (покальмыцки Катон-Карагай), которая существует еще с очень недавнего времени. Она обязана возникновением Семипалатинскому губернатору генералу Полторацкому, который, заняв в 1869 году китайский пограничный пост Чингистай, в 20 верстах от него основал так называемую станицу, то есть поселок казаков и роты пехоты. Это было в 1871 году».

Здесь путешественников ждали богатые подарки. Кроме продуктов сельского хозяйства им преподнесли охотничьи трофеи, а именно шкуры медведя, лисицы, рыси, россомахи, соболя, колонка, хорька, ласки, горноста, белки, байбака, летяги. Сюрприз этот был приготовлен офицерами местного гарнизона, которые оказали такой радушный прием, что немецкие гости были поражены. Как писал Финш: *«Это радушие никогда не изгладится из нашей памяти и останется навсегда*

одним из приятнейших воспоминаний». В юрте, особенно празднично убранной цветами, где подарки были расставлены как в музее, члены немецкой экспедиции были встречены офицерами в парадной форме, и по местному обычаю начальником в знак особого уважения были поднесены хлеб и соль.

Комендант майор А. И. Бахарев произнес приветствие, на которое доктор Брем, как самый искусный оратор экспедиции, отвечал благодарностью от имени всех. Превосходный завтрак был уже готов, и вскоре непринужденная беседа и тосты оживили веселый кружок, которому придавало особый блеск присутствие генеральши Полторацкой и ее дочери. Даже в музыке не было недостатка. Под аккомпанемент скрипки и балалайки казаки исполнили свои песни, которые вскоре уступили место танцам.

После полудня губернатор дал в честь немецких путешественников большой обед. В общем, они наслаждались алтайским гостеприимством. Кроме воспоминаний члены экспедиции увезли отсюда дорогие и щедрые подарки. Граф Вальдбург получил прекрасные шкуры рыси, лисы, россомахи, Брем – великолепного соболя и громадную медвежью шкуру, Финшу, как начальнику экспедиции, была поднесена шуба из меха кабарги и туземный нож.

«Преклонение перед иностранными авторитетами отличало русских уже и тогда, – подумалось Роману. – Немцев принимали куда более пышно, чем два года спустя встречали экспедицию великого Н. Пржевальского в Зайсане». Незадолго до этого он читал работы публициста, ярого поборника Сибири Н. Ядринцева, который, иронически отзываясь о «заморских» гостях, позже писал в очерке «Сибирская Швейцария»: «...даже знаменитые желудки бременской экспедиции, отличавшиеся огромным истреблением яств и питий, чему подивились даже сибиряки, остались вполне довольны, так как их угощали и дупельшнелами, и шампанским: подобные обеды стоили несколько сот рублей».

Хотя пирушки и торжественные приемы отнимали много времени, Брем и его спутники были довольны, ведь торопливость переездов не позволяла им самим добыть драгоценные шкуры зверей, которые могли быть использованы в качестве коллекционного материала для научных целей. Конечно, сказывалось и присутствие столь высокого чина, как семипалатинский губернатор. Дальнейший маршрут немцев проходил на Барнаул; здесь кончалась граница Семипалатинской области, на правом берегу Бухтармы начинался Бийский уезд Томской губернии, однако генерал Полторацкий с семьей решил продолжить путешествие, тем более что лежащий по пути Усть-Каменогорск входил во вверенную ему территорию.

Ненастная погода, туман и дождь, ливший в Катон-Карагае, только изредка давали возможность бросить взгляд на окрестные горы, но как были поражены путники, когда, проснувшись в день отъезда 13 июня, они увидели перед собой панораму гор, покрытых свежевывающим снегом, придававшим вершинам еще более величественный вид и высоту. Восходящее солнце усилило эффект от созерцания живописного горного пейзажа. Темные леса, окаймляющие зеленые долины, ярко освещенные пики, резкие контрасты света и тени – все вместе производило поражающее впечатление.

Но путешественников ждали необъятные просторы Западной Сибири. Простившись со столь радушно встречавшей их Алтайской станицей, 13 июня они пересели в тарантасы, запряженные лошадьми, и по почтовому тракту отправились в Зырянск. Путь их пролегал через деревни, существующие и поныне:

Медведка, Солдатово, Березовка, Солоновка. Их сопровождал управляющий Зыряновскими рудниками Г. Бастрыгин. Описание этого отрезка пути Роман читал с особым вниманием, ведь путники приближались к его родным местам.

Дорога была отличная, путники не переставали восхищаться прекрасными видами и временами даже досадовали, что от быстрой езды не могли в достаточной мере насладиться открывающимися пейзажами, где на горизонте все время виднелись снежные горы. Путешественники проезжали деревни Медведку, Солдатово, Александровку, Андреевку, отличавшиеся хорошими постройками, что свидетельствовало о благосостоянии жителей. Известие о приезде губернатора и чужестранцев выманивало на улицы почти все население. Путешественники отмечали, что русские на Алтае – красивый и рослый народ, большей частью белокурый; среди женщин и девушек нередко встречаются статные и с очень недурными физиономиями. Отметили и своеобразный костюм женщин. Пестрые платки, обвязанные вокруг головы, яркие, чаще красные, платья, ожерелья из крупных зеленых и белых бус способствовали благоприятному впечатлению. Длинноволосые, бородатые, чаще рыжеватые белокурые мужчины не отличались от русских, живущих в европейской части страны. Бросались в глаза только их разнокалиберные войлочные шляпы, варьирующие по цвету от черного до светло-голубого.

Везде, где меняли лошадей и где можно было увидеть внутреннее устройство жилища, немцев поражала необыкновенная чистота выбеленных деревянных стен, полов и простой, но прочной мебели. Как поняли путешественники, благосостояние крестьян зависело здесь не столько от плодородия почвы, сколько от другой важной причины: они старообрядцы! Главная причина благосостояния их в том, что они не пьют водки! В то время как сибирский крестьянин значительное число дней в году проводит в пьянстве и безделье, старообрядцы работают, и благосостояние их возрастает.

Тут Роман задумался. По разговорам родителей он имел представление о жизни кержаков в былые времена. Старообрядцы не пили водку, но делали пиво-брагу и гуляли неделями. Но они знали свое дело и наверстывали упущенное, отработывая потом по 16 часов в сутки. Однако что авторы пишут дальше?

«Зная, что старообрядцы оказывают не совсем радушный прием иноверцам, считая их еретиками и признавая нечистым все, до чего они коснутся (посуда), я не ожидал особо приятного впечатления от встречи с ними. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что везде нас ожидало предупредительное гостеприимство. Яичница, молоко, запеченная в тесте рыба и особенно знаменитый алтайский мед – чистый и во всевозможных смесях (мед с маком, малина с медом и т. п.) стояли везде, готовые к нашему прибытию на опрятно накрытом столе. Замечу, что гостеприимство оказывалось не только потому, что с нами был губернатор, такой же радушный прием ожидал нас и позднее, когда мы были одни».

Привыкнув к тому, что целые деревни сбегались смотреть на иностранцев, путешественники не удивились, что перед Березовской станицей их ожидала целая толпа народа. Она состояла из празднично одетых женщин, как им сказали, исключительно из девиц, которые, впрочем, ожидали не путешественников, а прибытия странствующего образа Казанской Божьей матери. Девушек охраняли несколько ловких парней, помогая им сокращать время ожидания.

Далее Финш пишет: *«Мы имели возможность убедиться в богатстве здешних мест скотом. Шестерка лошадей, впряженная в легкий плуг, свидетельствовала не о неудобстве пашни, а об избытке лошадей. Не особенно приятный для путешественника пылкий темперамент последних не раз давал себя чувствовать, но благодаря ловкости ямщиков дело обходилось без последствий. На переезде в 40 верст между станциями Александровка – Зыряновск лошади нас понесли, но ловкий ямщик остановил их тем, что на всем ходу прыгнул с козел и уцепился за дугу коренной».*

Часам к десяти, при совершенной темноте и проливном дожде, путники достигли Зыряновска и были радушно приняты в доме начальника рудников горного инженера Александра Николаевича Бастрыгина, где были к тому же удивлены самым приятным образом. Кроме пианино, на котором любезная хозяйка дома воспроизвела для них столь давно не слышанные мотивы современной музыки, в доме оказался даже бильярд.

Сам поселок (или деревня, называвшаяся Зыряновский рудник) не произвел особого впечатления. Финш не слишком лестно отозвался об увиденном. Однако, читая его описания, Роман воочию представил, каким был поселок в те далекие времена: *«Зыряновск теперь довольно невзрачное горнозаводское местечко, между деревянными постройками в котором видное место занимают красивые дома горных инженеров. В нем около 1800–2000 жителей. Причем число это увеличивается зимой, когда бывает больше работ в рудниках, и обычный комплект рудокопов 400 человек возрастает до 700–800. Между зимними рабочими бывают и бедняки-киргизы (иногда до 500 человек), решающиеся с наступлением зимы покинуть родную степь и стада и искать убежища и пропитания в недрах земли. Для рабочих здесь построено два больших здания, где они живут со своими женами. Станный вид представляют сыны степей, которых глаз привык видеть на быстром коне или с пастушеским посохом в руках, выходящими на работу с заступами и молотом. Русские рудокопы в числе 200 человек не отличаются от своих киргизских товарищей ни прилежанием, ни бережливостью, хотя в здешних условиях они получают очень хорошее содержание. При восьмичасовой работе они зарабатывают до рубля в день (пуд пшеницы стоил 40–50 коп. – А. Л.), но их годовой заработок не превышает 150–200 руб., так как они редко работают более 200 дней в году. Причиной тому – частые праздники, попойки, нередко продолжающиеся дней по восемь и более, причем женщины, живущие в настоящей полиандре (многомужество. – Ред.), играют далеко не второстепенную роль. О правильности разработки рудников, как в Германии, не может быть и речи. Горным чиновникам, в числе которых состоят оберштейгер и пять штейгеров, стоит немало труда заставлять людей работать».*

Здесь Роман не мог согласиться с авторами, которые явно взялись судить о деле, в котором, не будучи специалистами, не могли иметь правильного суждения. Как представлялось Роману, Зыряновский рудник мало в чем уступал аналогичным зарубежным предприятиям. И уже тем более за один день пребывания вряд ли можно было разобраться в положении рабочих рудника и их моральном облике. Тут явно сказывалось немецкое высокомерие. Зато последующее описание заслужило у Романа полное доверие и было для него интересным, как для любителя, интересующегося историей родного края. Несмотря на то что немецкие исследователи были биологами, любознательность подвигла их осмотреть горные работы.

Они осмотрели несколько шахт и штолен, тщательно закрепленных, спускались на 15 этажей, или на 70 саженой, причем имели возможность убедиться в интересном явлении, что даже на глубине 50 метров стены подземного рудника были усеяны великолепными кристаллами льда. Зимой здесь приходилось работать еще при более трудных условиях, и рудокопы сильно страдали от холода, доходящего иногда до 40 градусов по Реомюру; много труда и времени отнимала также очистка сточных канав. Насосы, выкачивающие воду, и другие машины приводились в действие отчасти лошадьми, преимущественно же силой воды, так как недостаток в топливе не позволял пользоваться паровыми машинами. Немцев удивила русская нерасторопность: зачем сюда была привезена паровая машина, громадный, заржавевший паровик, который не использовался и стоял под открытым небом.

Громадное гидравлическое колесо приводило в действие также золотопромывальную машину, устроенную в 1826 году. В ней толокся золотоносный кварц, смешанный с зеленым колчеданом и белым свинцом, а затем очищался и промывался весьма примитивным способом в деревянных корытах и воронкообразных сосудах, причем остающиеся частицы железа удалялись с помощью больших магнитов. Таким способом в 1875 году пятью искусными работниками было промыто 3,5 пуда золота, единственного драгоценного металла, очищаемого в самом Зыряновске, хотя и он тут не переплавлялся. Главное же богатство рудника состояло в серебре, находящемся в кварце или так называемой охряной руде. Руды плавилась в Барнауле в 600 верстах. Как им рассказали, в 1875 году было добыто 72 500 пудов руды, которая дала 50 пудов серебра и 15 000 пудов меди.

Гельмерсен, русский ученый-геолог немецкого происхождения, в 1834 году называл Зыряновский рудник самым богатым серебряным рудником Алтая и говорил, что один он дает 450 пудов серебра, что составляет почти половину всего количества, доставляемого Алтаем. Однако, по словам другого геолога, Котта, в 1886 году горное производство находилось уже в прискорбном, почти безнадежном состоянии. Он имел в виду истощение запасов богатых руд.

Роман помнил рассказ Максима о том, что к тому времени запасы богатых окисленных руд на Зыряновском руднике начали истощаться, а богатые сульфидные руды обогащать еще не умели, поэтому не могли извлекать из них металлы. На минуту отвлекшись, Роман задумался и пожалел, что старый Зыряновский поселок, как и шахты, снесены карьером, хотя место, где стояло водоналивное колесо, сохранилось. А как бы хотелось взглянуть на все это!

В Зыряновске путники пробыли не более 30 часов, и все это время стояла ненастная погода, шел дождь. Брем очень сожалел, что тучи, обложившие небо и окрестные горы, не дали им насладиться «прекрасным швейцарским ландшафтом», как выразился о нем великий Гумбольдт, побывавший в Зыряновске 47 лет назад, в 1829 году.

К счастью, погода начала проясняться, и немецкие путники вместе с сопровождающими их русским губернатором, его семьей и Богдановым, вторым по чину горным офицером в Зыряновске, в три с половиной часа пополудни 15 июня выехали из Зыряновска и направились к Иртышу. Часам к девяти с половиной вечера они достигли Верхней пристани. Этот поселок не мог называться деревней и состоял всего из нескольких домиков, предназначенных для сторожей. На берегу Иртыша, текущего здесь среди лугов и до самого впадения в него Бухтармы

носящего название «тихого», лежали огромные кучи руды, которая привозилась сюда на телегах, а потом перегружалась на огромные некрасивые суда (карбасы) для доставки в Усть-Каменогорск. Этот способ был введен генералом Фроловым, управляющим Алтайскими рудниками в Барнауле в 1804 году. Суда с грузом до 2000 пудов проходили 120–150 верст вниз по течению в 14–24 часа, а вверх – от 3 до 5, иногда до 10 дней, так что за все лето успевали сделать 9–10 рейсов. Там, где крутые скалистые берега не позволяют тянуть лошадьми, суда продвигались против течения с помощью якорей, завозимых на лодках. Впрочем, на высокой мачте у них имелся огромный четырехугольный парус, а кроме длинного руля были еще два весла, над которыми работали семь-восемь гребцов, чаще казахи. Для важных гостей карбас, имевший внушительные размеры, был чисто убран, сделали даже деревянный помост с укрытием в виде навеса от солнца и на случай дождя. Для гостей имелись удобные сидения – словом, все располагало к отличному плаванию. Финш отметил, что последующая поездка *«была приятна еще и потому, что мы опять имели удовольствие быть в обществе губернатора Полторацкого, его любезной супруги и дочери и многих других лиц, с которыми мы познакомились в алтайской поездке»*.

Проплыв мимо устья Бухтармы со стоящей на берегу Мохнатой сопкой, немцы оживились. Широко разливавшийся до сих пор Иртыш входил в узкое русло, зажатое горами, с нависающими с берегов каменными утесами. Карбас стремительно понесло по течению, гребцы изо всех сил заработали гребями, и по их напряженным лицам пассажиры, впервые плывшие здесь, поняли, насколько опасно это плавание. Действительно, немало плауков, как называли на местных реках сплавщиков, особенно неопытных или тем более впервые плывущих, разбивались здесь о прибрежные скалы.

– Господа, вы можете не беспокоиться, сплавщики у нас опытные, смотрите, как уверенно они держат курс! – обратился Владимир Александрович Полторацкий к своим гостям. – И не забывайте, что жизнь их самих зависит от их работы.

– Да, да, мы это понимаем и вполне им доверяем, – отвечал Брем, действительно увлеченный плаванием и открывающимися видами, все более величественными.

А утесы вокруг вздымались все выше и круче. Вот показалась скала, нависшая над рекой. Редкие сосенки украшали ее обрывистые склоны, в туманной дымке за нею угадывались скалистые кручи, поросшие очень живописным лесом.

– О, майн готт! – один за другим воскликнули гости из далекой Германии. – Лореляй! Это же совсем, как на нашем Рейне!

Встав со своих мест, все трое запели песню о прекрасной девушке с золотыми волосами, по которой страдают все юноши и мужчины Дойчланд.

– О чем это они поют? – шепотом спросила у матери Машенька, дочь Лидии Константиновны.

– Как, разве ты не знаешь легенду о Лореляй, золотоволосой красавице, из-за которой погибло немало мужчин? Она сидела на вершине скалы, а плывущие мимо рыбаки не могли оторвать от нее взгляда и разбивались о скалы.

– Значит, она была очень жестокой, – сказала Маша, – наверное, она это делала специально, чтобы рыбаки погибали.

– Может, может быть, – рассеянно отвечала Лидия Константиновна, – но мужчины сами должны иметь свою голову и не терять ее.

Разговор матери и дочери не скрылся от глаз Брема. Импульсивный и эмоциональный, он стал декламировать стихи о прекрасной деве:

Прохладою сумерки веют,
И Рейна тих простор.
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшною высотой
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.

Декламирование было встречено аплодисментами, но тут же разгорелся спор между Бремом и Финшем. Мнения их кардинально разошлись. Отто Финш считал, что утесы и горы вокруг Иртыша, хотя и величественнее, но на Рейне, в Германии все романтичнее и лиричнее. Там замки, о которых сложены легенды, всюду жизнь, а здесь все мрачно, пусто и безжизненно.

Брем был другого мнения:

– Небольшая горка Лорелей высотой в 32 метра ничто по сравнению с утесами Иртыша, вздымающимися в десятки раз выше берегов Рейна, – а затем с пафосом воскликнул: – Здесь все так грандиозно, что если красавицу Лорелей посадить на вершину иртышского утеса, то плывущему рыбаку, чтобы ее разглядеть, потребовался бы бинокль. Дикие утесы Иртыша, таящие в себе столько загадок природы, я бы не променял и на десяток Рейнов!

Слушая это, Полторацкий резонно заметил:

– Вы правы оба. Нам из России интересно побывать у вас, а вы, я вижу, с удовольствием смотрите на наши края...

Обдумывая этот эпизод, Роман пришел к выводу, что речь у немецких путешественников шла о знаменитом иртышском утесе, называвшемся Петух. Символичным было и то, что недавно построенная железная дорога в Зыряновск насквозь прорезала эту береговую скалу тоннелем.

Благополучно сплыв до Усть-Каменогорска, на следующий день Брем и его спутники сердечно распрощались с семейством Полторацких, ставших за эти дни им почти родными, и отправились дальше по тракту в Барнаул. Впереди у них были просторы Западной Сибири. Полторацкие же отправились домой в Семипалатинск, который Лидия Константиновна, не любившая его, называла столицей малярии и чахотки.

Закончив чтение и закрыв книгу, Роман почувствовал, что за это короткое время свыкся с героями книги и будто сам перенесся в те далекие времена, увидел крестьян в их войлочных шляпах, сам Зыряновский поселок с деревянными копрами шахт, с кривыми улочками, утопающими в пыли и грязи. И еще он подумал, что надо быть благодарным людям, оставившим следы прошлого, благодаря чему можно заглянуть в историю. А еще он задался вопросом: почему для иностранных ученых нашлись деньги, а для русских их никогда не бывает? Ведь и отечественные исследователи могли бы сделать то же самое. А может, это и лучше, ведь немцы отличаются пунктуальностью и столь критикуемой

русскими писателями педантичностью, скрупулезностью, благодаря чему мы имеем возможность читать подробные описания путешествий и всего, что их окружало.

После чтения книги Брема Роман зачастил в библиотеку, но, выкраивая на нее время, он удивился сам себе, что, интересуясь вопросами горного дела и разведки месторождений, задерживается больше на истории этих отраслей промышленности. Так, внимание его привлек знаменитый труд Георгия Агриколь «О горном деле и металлургии». Он заставил задуматься над многими вопросами. В первую очередь, поразило, что описываемые средневековые способы подземной добычи полезных ископаемых мало чем отличались от применяемых на Зырянском руднике в совсем недавнее время. Те же хитроумные шахтовые сооружения, различные приспособления для подъема руды, для водоотлива, где все из дерева, и лишь вся разница, что каких-то 50 лет назад начали входить в обиход электричество и бетон. Тронули его мысли и беспокойство автора книги по поводу сохранности природы: *«Леса и рощи вырубаются, а затем уничтожаются звери и птицы, очень многие из которых являются приятной пищей для человека. Кроме того, после промывки руд использованная вода отравляет ручьи и потоки и либо уничтожает рыбу, либо вынуждает ее мигрировать. Поэтому жители этих регионов... испытывают значительные трудности в приобретении необходимого для жизни...»* Значит, и 450 лет тому назад люди уже задумывались об экологии и понимали, как горные работы плохо влияют на здоровье людей.

Бурхат-хан

Как ждут люди весну, а потом лето, и как быстро пролетает и та, и другая пора года!

Март с ослепительным сиянием солнца, сверканием снега и крепкими морозами по ночам.

Апрель с рыжими проталинами, сначала на пригорке, а потом стремительным расползанием по всем полям и лугам. С простенькой песенкой овсянки на протаявших дорогах, с бормотанием тетеревов, доносимым ветерком со стороны полосатых и пятнистых от нестаявшего снега гор.

Май с призывными и истошными криками кукушек, зазывающих в просыпающийся лес. С неистовым пением соловьев и с шипящим посвистом пикирующих с неба лесных дупелей.

Лето – законная пора отдыха, что для школьников, что для студентов, и как трудно усидеть дома или за школьной партой, когда сама природа зовет, и нет сил ей отказать! И кто же придумал эти экзамены, ненужную трату времени, да еще и с волнениями и тревогами! Наверное, это сухопарые, не улыбающиеся тети с поджатыми губами и лысоватые дяди в очках и с потертыми портфелями под мышкой. Так думал Степа, с тоской поглядывая на проснувшийся лес из школьного окна. А тут еще предстоят вступительные экзамены в институт.

– Вот уж оторвемся по полной, – заявил он Роману, в середине июня приехавшему на каникулы: его привез отец из Столбоухи на тележке, запряженной Карькой. – Два месяца наши.

– Тебе же нынче поступать в вуз.

– То в августе, а сейчас только июнь. Гоша с Егором уже заждались.

– Скажи, подземный город заждался.

– Молчи, Рома, молчи. Почему-то ты не спрашиваешь про нашу хижину в Фомкином логоу.

– Хижина само собой, а тайны чудской копи еще не раскрыты.

– Тех тайн на целый век хватит и еще останется.

Сверкая серебряными струями, шумит Хамир на шиверах и перекатах. Строптивая река, которую зовут также Хаир-Кумин, то грозно рокочет, упираясь в обомшелые утесы, то утихает, кружась в каменных ваннах-ямах. По берегам разлившейся плесом реки крутлый булжжик-буловник тянется на десятки, а то и на сотни метров, и только звонкие голоса бегунков-зуйков да переключка куликов-перевозчиков нарушают знойную тишину неторопливого летнего дня. И снова стремительный бег Хамира, входящего в крутой поворот. Зыбятся неясные тени в таинственной глубине реки; там ходят, плавно виляя хвостами, длинные, как щуки, таймени, играя, кружатся серебристые хариусы. Бывает, покажется в струях воды выводок узконосых уток крохалей, и вот уже нет их: то ли растворились они в сверкании солнечных бликов, то ли ускользнули, скрывшись за торчащими валунами реки.

Черная белка, мелькнув пушистым хвостом, перемахнула с пихтовой ветки на березу, ржавым голосом заголосила рыжая сойка. Закачались ветви, и из-за зеленой завесы выглянул человек, да не один, а двое.

За все время, что кладоискатели посещали верховья Хамира, ни разу не видели они даже следа человека. Тем неожиданной была на этот раз встреча с людьми в устье Малой Логоушки. Сухопарые и очень смуглые, с серовато-коричневой кожей лица, два незнакомых человека сидели на тополевой колоде, с невозмутимым видом оглядывая подходящих ребят. На расстеленной тряпице перед ними лежали недоеденные ломтики черного хлеба, кусочки вяленого мяса и курт – сухой, как камень, овечий сыр. Видно, пришельцы только что пообедали.

«Алтайцы, – догадались ребята. – Давненько не бывало их здесь», – подумал каждый из них.

Ни один мускул лица не дрогнул на лицах незнакомцев, явно пришельцев с чужого края, и даже приветствие ребят не заставило их переменить позу или пошевелиться.

– Здравствуй, – ответил один из них, лишь вынув дымящуюся трубку изо рта.

– Далеко пошел? – бесстрастно спросил он. Видимо, старший.

– Гуляем, туристы, – за всех ответил Степа. – А вы что, охотитесь?

– Зачем охота, летом нет охоты, – отвечал алтаец, – белка, соболь плохой. Нет никакой охоты. Разве что рябчик, маленькая птичка, но мы их не трогаем.

Чужеземец показал на скромный дастархан:

– Кушать хочешь? Садись, покушай.

Догадываясь, что отказываться нехорошо, ребята присели рядом на корточки. Степа взял белый камешек сыра, называемого куртом, и, глядя на него, то же проделали остальные.

– Наверное, в Масляху идете или в Столбоуху? – грызя неподатливый курт, продолжал приставать Степан. – Торговать или просто так?

– Вот любопытный ты!

В сердцах алтаец стал выбивать трубку, сердито стуча ею об торец полена.

– Все бы тебе надо знать, хотя и пацан. Предки наши тут охотились, тут похоронили. Пришли навестить. Ты гуляешь, мы гуляем, и никто нам не указ.

– А-а, могилки, значит.

– Могилки, какие могилки! Раньше хоронили – ставили избушки умершим, или просто на столбах в колоде, теперь и следа нет от них. Духи усопших тут везде!

Алтаец протянул руки к огню и стал быстро их потирать.

– Жарко, а вы руки греете, – не выдержал любопытный Егор.

– Зачем греть! Разве не знаешь, огонь очищает?

И, видя, что никто из ребят его не понял, добавил:

– Огонь снимает все плохое и прогоняет злых духов.

«Удобный случай, чтобы понять верования алтайцев», – Степа решил выяснить некоторые мучившие его вопросы и, показывая на Холзун, спросил:

– Хан Алтай?

Старший наконец улыбнулся:

– Зачем Алтай-хан, у нас теперь Бурхат-хан есть, – и начал спокойно пояснять:

– Вы, русские, молитесь человеку, а кто такой человек? Песчинка по сравнению с горами. Мы молимся, глядя на вершину горы. Гора и есть Бурхат-хан. Небо – Бурхат-хан, река – Бурхат-хан. Разве сравнится с ними человек?

– Я слышал, что тут в горах зарыты подземные клады, – продолжал Степа. – Это правда? Кто-нибудь их видел, эти клады?

– В наших горах всюду подземные сокровища, – назидательно сказал до сих пор молчавший младший алтаец, – но их охраняет злой дух Эрлик, и их брать нельзя. Кто видел, кто нашел, тех никого нет в живых, – совершенно ровным голосом продолжал он. – Все уходит под землю. И вам там ходить не надо.

– Уходят под землю, проваливаются, что ли? Там что, дырки есть, подземные пустоты, пещеры? – делая вид, что ни о чем не знает, допытывался Степа.

– Я же говорю, там обитают злые духи, и никому не положено о них знать. И не только люди, животные тоже исчезают. Был и нету, а куда делся, никто сказать не может. Ушли в подземное царство. Эрлик скушал или сами ушли – какая разница. Так рассказывают старые люди. Говорят, есть пещеры, но кто их видел, давно померли. А вы дальше куда пойдете? – вдруг спросил он, возможно, для того, чтобы переменить тему разговора.

– Здесь не遠далеке заночуем, да и назад, – соврал Степан.

– Дальше не ходите, там нехорошее место.

– А что, шайтаны утащут? – не без усмешки спросил Агафон.

– Жескарнаки или аламасты, а может, и сам Эрлик. У нас легенда есть, что там, в верховьях Хаир-Кумына, утопили девушки, и духи их до сих пор там обитают. За ними гнались злые люди, и девушки, чтобы не дасться им в руки, бросились в реку и утонули. Место то называется Девичьи затоны.

– Верно, там под водопадами есть глубокие омуты, что твои ямы, однако, больше пяти метров будет, – подтвердил Агафон, – и вода такая прозрачная, что все дно видно, и как хайрюзы ходят, тоже все на виду. А если удишь, надо прятаться, чтобы рыба тебя не видела.

– Тоже мне скажешь, – слова Агафона не понравились Егору, – человек тебе легенду рассказывает, а ты про хайрюзов!

– И на Холзун не ходи, – продолжал алтаец, – нечего там делать. Бывало не раз, люди с него не возвращались, а куда делись, никто не знает. Там даже стражи поставлены для охраны, каменные.

– Да, мы их видели, а кто их поставил?

– Кто поставил, никто теперь не знает. Они всегда стояли. И ни трогать, ни спрашивать о них нельзя.

– Это почему же? – возмутился Агафон. – Я здесь родился и вырос, и мои деды здесь жили. Я историю хочу знать, а вы – нельзя!

– Вы, белые люди, могилы наших предков копаете, землю портите, руду роете, все разворотили, плохо все делаете, – сердито ответил пожилой. – Раньше было все – зверь и птица, а теперь что? Тьфу, пусто! – алтаец сплюнул. – Ни охоты, ни красоты. А дальше что будет?

На том и расстались, но когда уходили, Степа оглянулся и увидел, как алтаец чем-то белым мазал рот откуда-то взявшегося деревянного божка.

«Успел вытащить из кармана и умащивает салом», – догадался он и, поделившись догадкой с друзьями, предположил:

– Это что-то вроде жертвоприношения. Они же язычники.

Роман согласился, добавив к сказанному братом:

– Жертвоприношение бескровное и безобидное, а ведь у многих древних верований бывали и человеческие жертвоприношения. Едва ли не все народы через это прошли. Бормотал же он что-то про какого-то Эрлика, кушавшего людей. А ведь алтайцы правы, – подвел он итог, – цивилизация не одну пользу приносит, а природе явный вред.

– А что насчет хана Алтая? – вдруг вспомнил Степан. – Что ты об этом думаешь?

– А тут целая история. Как ты, наверное, знаешь, в средние века быть язычником считалось страшным грехом, чуть ли не преступлением, а алтайцы ими и были. Когда пришли русские, стали обращать их в православие. Они крестились, а сами потихоньку продолжали верить в своих традиционных богов. Потом вдруг им понравился буддизм, и вместо хана Алтая появился Бурхат-хан. Но он вовсе не конкретное лицо, а сама природа, силы природы. Славяне, в том числе русичи, тоже ведь через это прошли, через богов природы.

Фемистокл

Первая вылазка в новооткрытую пещеру – и почти сразу большие новости, едва только спустились по навешенному канату. Сначала что-то странное почувствовал чуткий Егор.

– Ребята, вы не слышите какие-то странные звуки? Все время стояла мертвая тишина, а тут вдруг будто кто скребется.

– Капель, – коротко ответил Степа, – водичка везде есть. Где больше, где меньше. Капает, а то и ручеек журчит.

– Нет, это совсем другие звуки.

– Да, что-то есть, – подтвердил и Агафон, – как будто даже стук.

– Стук? Вот это и есть капель. Ты что, забыл, как весной с крыши капель о пустое ведро стучит? Звон стоит.

– Нет, надо послушать, – поддержал Егорку Роман, – в этом подземелье сплошные тайны.

– Тайны с привидениями и призраками, – съязвил Степа. – Пещерные медведи давно вывелись, троглодитов тоже вроде бы нет. Разве какой сбежавший ээк прячется, да и то вряд ли. Что ему в такую глубину лезть.

– А вот слушайте, опять, – не унимался Егор, – неужели не слышно? Вот: «тук-тук», с интервалом, и опять: «тук-тук!»

– Странно, я тоже что-то слышу. Тихо, дайте послушать!

Теперь уже и Роман замер, напряженно вслушиваясь во мрак подземелья. Подземные ходы и лабиринты глушат все звуки, здесь вечный покой, нарушаемый разве что капелью воды с потолков да кое-где шелестом ручья. А тут ни то ни другое, а чем непонятней, тем тревожнее.

– Не шумите, потихоньку идем на звук. Не спугнуть бы!

Гуськом, один за другим мальчишки шли по лабиринту, внимательно всматриваясь, чтобы не пропустить боковые расщелины и ходы. Звук слышался все четче и все более были заметны разные интервалы между ударами, что говорило не в пользу капли.

– Я вижу, мелькнул какой-то отблеск! – взволнованно, тихим голосом сообщил Агафон. – Вы что, не видели?

– Померещилось, – убедительно среагировал Степа. – Вечно тебе видятся нелепости.

– Тише вы! – шепотом, но резко прищипнул на друзей Роман. – Кажется, что-то есть.

– Неужели дырка на горе? – также вполголоса произнес Агафон. – Вроде как мигает блеск какой-то.

– Да, и я вижу, – подтвердил Роман. – Возможно, там выход на поверхность, а мелькает оттого, что куст там у входа колышется. Дырку то откроет, то закроет, вот свет и мигает.

Заинтересованные и взволнованные мальчишки продвинулись еще ближе, и вдруг мелькания прекратились, но на их месте остался светлый ореол, и стало ясно, что источник света чем-то прикрыт.

– И стук прекратился, – заметил шепотом Егор.

Прошло еще немного, и вдруг стало понятно, что рядом со светлым пятном кто-то стоит.

Человек! Сомнений быть не могло.

– Затаился! – выдохнул из себя Агафон. – Он же тоже нас со светом увидел.

Изумлению не было предела, но отступить было поздно, и мальчишкам ничего не оставалось, как окликнуть незнакомца.

– Кто вы? Как вы сюда попали?

– Я тоже вас могу спросить, а как вы сюда попали? – на чистом русском языке ответил странный незнакомец. – Да вы не бойтесь, подходите ближе, – продолжал он, – я вас не съем, я такой же человек, как и вы. Поговорим и все выясним.

Мальчишкам ничего не оставалось, как подойти.

– Ну вот, видите, я не призрак, не привидение, и даже говорю по-человечески, – сказал подземный человек. – Давайте знакомиться, меня зовут Фома, живу в Российской Федерации, то есть по ту сторону Холзуна. Надеюсь, вы географию знаете?

– В Российской Федерации? – с изумлением спросил Роман. – Как же вы сюда попали, тем более в это подземелье?

– Ага, вас заинтересовало! Это естественно, значит, вы, молодые люди, любознательны и, следовательно, достаточно грамотны. Советская власть дает неплохое образование народу, и это ей плюс.

– Да, я студент Омского политеха, учусь на физмате, – ответил Рома.

– Похвально, – одобрил пришелец с соседней республики, – с удовольствием отвечу и поговорю с вами. Так вот, пришел я, как и вы, подземным ходом.

– Как, неужели под Холзуном? – сорвалось у Степы. – Это сколько же километров, и все под землей?

– Да, все подземельем, так уж вода промыла эти подземные ходы. Верно, расстояние немаленькое, но я к ходьбе привычный, а путь мне хорошо знакомый.

– Невероятно! – Роман был удивлен не меньше брата. – А что вы тут делаете?

– А вы что тут делаете? – в свою очередь поинтересовался незнакомец. – Разве сами не видите, чем я здесь занимаюсь?

– Да, верно, – согласился Степа, – видим, у вас молоток и зубило. Вы что, старатель?

– Угадали. Я чудь.

«Ага, российский старатель – человек смысленный, грамотный и любитель пошутить», – подумал Роман и решил продолжить словесную игру.

– Как известно, чудь под землю ушла, там под землей и пропала. Значит, вы под землей живете, раз вы чудь?

– Естественно, не троглодит. А насчет подземного житья, так это просто редкое совпадение, что мы здесь встретились. Я под землю редко спускаюсь, нужды в этом большой нет.

– А говорите, что чудь.

– Да, я чудь.

– Ну вот, опять загадки. Какая такая чудь, исчезнувшая более двух тысячелетий назад?

– Как видите, я стою перед вами живой и настоящий.

– Вы-то живой, а при чем тут чудь?

– Чудь чем занималась? Добычей и плавкой металлов. В первую очередь меди и золота. Вот и я тем же занимаюсь. И заметьте, работаю таким же инструментом, что и две тысячи лет назад. Правда, теперь не каменными и не бронзовыми зубилами и молотками, а металлическими, стальными, то есть железными. Вот и вся разница. И деды мои и прадеды тем же занимались, и этим ремеслом жили. Металлы всегда нужны были. Это же неправильно говорить, что бронзовый век кончился и медь стала не нужна. Тем более золото. Так что чудь всегда при деле была. Другое дело, масштабы менялись.

Нужда в меди действительно уменьшилась, но она всегда была и шла на украшения, резные поделки и предметы быта. Даже здесь у нас, среди кочевых народов, была в ходу. Взять тех же казахов. Удила, стремена, мелкие поделки – на все это шла медь. Медь лучше сохраняется, не ржавеет как железо.

– А как же получается, что сейчас о чуде забыли, посчитав, что она сошла на нет?

– Как вам сказать... Это большой разговор. Чудь всегда была обособленной группой людей. Сказывалось их особое занятие, многим казавшееся таинственным, загадочным, даже колдовским. Она и селилась всегда отдельно от остальных. Ее побаивались, она и сама сторонилась людей. В общем, было обоюдное недоверие друг к другу. Поиски месторождений, выплавка металлов – все это было очень непростым делом. Сложным и даже засекреченным. Хорошо еще, что

тогда не было этого ужасного гонения за пресловутое колдовство, что появилось при христианстве. Профессию древних металлургов можно сравнить с занятием алхимией.

«Нет, он совсем не так прост, как кажется, этот то ли шутник, то ли человек, скрывающий правду – подумал Роман, – наоборот, он меня все больше удивляет своей осведомленностью в области, являющейся тайной даже для специалистов. Откуда он все это знает?»

– Вы, наверное, историк? – изумленный, спросил он незнакомца.

– Вообще нет. Я же говорю, что я из чуди, потомок чуди.

– А что вы под этим понимаете? Под словом «чудь»?

– Занятие, в основном занятие. То есть я вроде потомственного старателя, потомок древних рудокопов и металлургов. Хотя происхождение тоже имеет значение, – несколько подумав, добавил он.

– Происхождение. А к какому этносу вы себя относите?

– Этнос? Вы же знаете, что это понятие не совсем определенное. Каждый этнос – это смесь разных народов. Хотя считается, что чудь происходит из финно-угорских народов. А к кому вы бы меня отнесли? – вдруг несколько смущенно спросил он.

– Честно признаться, я затрудняюсь сказать, – Роман заколебался, боясь обидеть незнакомца. – У вас есть и азиатские и европейские черты.

– Вот то-то, – удовлетворенно сказал незнакомец. – В каждом человеке намешано столько, что он и сам не подозревает, какая у него родословная. А она почти всегда очень сложная, если докопаться хотя бы до десятого колена. Да, – вдруг спохватился он, – что это мы беседуем, как следует не познакомившись. Полное мое имя Фемистокл, а вас как?

Роман представил себя и ребят, а затем спросил удивленно:

– Фемистокл? Странное у вас имя. Это из Древней Греции, что ли?

– Выходит, так. Был такой греческий государственный деятель и полководец. Меня, конечно, ни дома, ни на улице, ни в школе никто Фемистоклом не называл и не называет. В школе ребята и не знали настоящего моего имени. Я сразу же стал Фомой. Так и живу сейчас, и в паспорте моем записано: Фома Савельевич Кротов.

– Фома неверующий, – пошутил Роман, – из древнегреческого сословия перешли в библейское.

– Выходит, что так, – согласился Фемистокл. – Вы меня тоже зовите Фомой, иначе язык сломаешь. Это уж я вам одному свою историю рассказываю. Жена, конечно, знает, кое-кто из друзей, родственники, а больше, пожалуй, и никто. Родители померли. А вам рассказываю все это, так как вижу, что вы человек грамотный, историю знаете и меня поймете.

– Фома, вы меня на «вы» не зовите. Я же моложе вас лет на сорок, как раз в сыновья гожусь...

– Хорошо, – охотно согласился Фемистокл-Фома, – с тобой, Роман, интересно разговаривать. Редкая возможность встретиться с понимающим тебя человеком.

– Взаимно, – ответил Роман. – Мне услышать ваши тайны вдвойне интересно. Я просто поражен, и вот думаю, неужели наши историки или те же металлурги, горняки не знают про нынешнюю чудь? Не один же я услышал эту тайну.

– Естественно, Рома, ты не первый, кому наши секреты поведаны. Такие секреты не утаишь от всего мира, да дело в том, что никто нашим рассказам не верит. Думают, сказки все это, выдумки и бредни. А что копаются, золотой песок моют и даже золотишко плавят – так на то они и старатели, а чужь тут ни при чем. А нам, чудакам, это даже на руку. Известность, любопытство, популярность нам вовсе не к чему. К нам не лезут – нам и лучше.

– Вот теперь мы лезем со своими бесконечными вопросами.

– Вы, ребята, совсем другое дело. Разве сравнишь мальчишек с чиновничьим аппаратом. А то еще есть органы, про которые и вспоминать не хочется. Так что я расскажу и покажу все, что знаю.

– А как умудрились дать вам такое имя? Уж тогда бы назвали Аристотелем, все-таки мудрец, а не полководец.

– Папаша мой был такой мудреный. Все книги по истории читал, особенно по древней. Он любого школьного учителя истории мог за пояс заткнуть, хотя был всего-навсего счетоводом в колхозе, бухгалтером, значит.

– Ну что ж, счетовод в колхозе – это деревенская интеллигенция.

– Считайте, как хотите, но древнюю историю отец знал. И не только. Историей чуди он тоже интересовался, и для этого была причина.

– Это какая же?

Роман почувствовал, что Фемистокл знает какую-то тайну, и надо быть осторожным, чтобы не испугнуть его и дать ему раскрыться. Хотя странно было бы ожидать, что он откроет ее так вдруг, едва ли не первым попавшимся людям.

У Фемистокла, видимо, мысли были похожими, и он явно колебался.

– Что же, наша тайна, считай, уже открыта, – начал он издали. – Месторождение найдено, вот-вот придут геологи. Засуетятся, кто-то получит ордена, звания. Начнется сооружение гиганта цветной металлургии. Где уж там чужь и наша тайна, сохранявшаяся до сих пор. Ведь это месторождение наши деды, прадеды и прапрадеды знали с древних времен и потихоньку им пользовались, не разглашая тайны.

– Поразительно! – удивился Роман. – Это чьи же деды и прадеды?

– Да нашей лесной деревушки, почитай, все. А нас всего-навсего едва ли сто человек наберется, не считая детей.

– А где-нибудь еще чужь сохранилась?

– Слышал я, что какие-то остатки есть на Урале и вроде бы в Забайкалье. Чужь же всегда таилась, себя не афишировала, скорее, пряталась. И связи друг с другом не держала, так что тут трудно сказать что-либо определенное. Я думаю, большинство перешло в старатели. Старатели-то всегда были. Еще совсем недавно в Зырянковке старательские артели работали. В самом городе копались, мыли.

– Я думаю, и сейчас есть. Зря их запретили, они же пользу стране приносили.

– Вестимо, польза была, золото ведь государству всегда нужно, это валюта. А теперь вот тайком потихоньку работают, прячутся, кому попало сбывают, разве это по-хозяйски со стороны государства так поступать?

«Естественно, Фемистоклу это не нравится, – подумал Роман, – называет себя чужью, а на самом деле он просто тайный старатель. А что золотишко на сторону уходит мимо государства – это действительно плохо».

– А вот вы скажите, как вы-то попали сюда? – вдруг спросил Фома.

– Очень просто, через штольню в верховьях Хамира, – ответил Роман.

– Через штольню? Я знаю рукотворную выработку в сторону вашего Хамира, но она же не имеет выхода.

– Не имела, а теперь есть, – торжествуя, что может удивить опытного знатока, пояснил Роман. – Оползень перекрывал устье, а река подмыла берег, и устье открылось.

– Вот как! – удивился Фемистокл. – Пятьдесят лет хожу по этим подземельям, а такого чуда не видел. Вот бы посмотреть!

– Так идемте с нами, нам уже пора возвращаться, и все увидите своими глазами.

– Пожалуй, пойду, – согласился Фома, – а я вам тоже много чего могу показать. Я ведь здесь все закоулки знаю. Все облазил, кое-где даже ползком пробирался по лабиринтам, по ручьям, приходилось по пояс в воде бродить.

– Вот здорово, а мы об этом только мечтали, – обрадовался Агафон. – Я все время думал, что в этом подземелье всяких чудес, наверное, не счесть.

– Есть, кое-что есть, – согласился Фома. – Я и сам время от времени навещаю полюбившиеся здесь места.

– Может, и стоянки древнего человека там есть? – спросил Степа. – Логова троглодитов.

– Ну, ты скажешь тоже, – оборвал его Егор. – Для этого надо специальные раскопки вести, а так разве узнаешь, где они жили или прятались.

– Это верно, – согласился Фома, – но я сужу по закопченным сводам, сам примеряюсь, где бы я спрятался зимой от холода, и так, чтобы было не слишком далеко от входа. Кое-какие признаки есть, и некоторые сохранились.

– Ага, первобытный человек искал себе убежище, как медведь, ищущий себе берлогу на зиму, – догадался Агафон. – Мы уже имели дело с такой медведицей. Рыскала у нашей выработки всю осень, крутилась вокруг да около.

– Ну, уж ты и сравнил, – с неудовольствием заметил Егор. – То медведь, а то люди, хотя и древние. Разница есть.

– Ничего, ничего, он правильно мыслит, – поддержал Гошу Фома. – На заре человечества люди конкурировали с животными.

Фома хотел продолжить свою мысль, но в это время они подошли к навешенной веревке для подъема в рукотворную штольню.

– Ого! – удивился он. – Я вижу, вы тут капитально обосновались, но я покажу вам более простой путь подъема, где и канат не нужен.

Чуть в стороне, пробираясь через глыбы свалившихся камней, они и верно обошлись без веревки, и вскоре все собрались у могилы бергала, задавленного обвалом.

Кладоискатели хотели удивить этим своего нового знакомого, но он спокойно отреагировал на это, сказав:

– Вы правильно сделали, что не стали разрывать завал. Я знаю здесь целое кладбище, где погребены разные доисторические животные и, возможно, там есть и люди.

И, опережая нетерпеливые вопросы, добавил:

– Но это потом, не все сразу. Я вижу свет в конце туннеля, и меня это удивляет не меньше, чем все кладбища динозавров и мамонтов вместе взятые.

Секреты чуди

Выйдя на свет, Фома с жадностью рассматривал устье штольни и все приговаривал:

– Надо же, тысячу лет стояло, и на тебе – открылось чело! Сработанное человеком устье, вход в чрево земли. Да, но ведь теперь же сюда попрут все, кому не лень. Туристы, все праздношатающиеся, не говоря уже о геологах, – вдруг спохватился он, – так и конец придет нашему подземному городу. Правда, верховья Хамира в стороне от всех проложенных троп, – сам себя попытался он успокоить.

А тут и Степа обнадежил:

– За год, что открылась штольня, пока никто здесь не был. Скотопрогонных троп здесь нет, на Уймон из Зыряновска ходят через верховья Черновой, туристы дальше Тегерека не заглядывают, лесорубам, как вы сами видите, тоже делать здесь нечего.

– Ну да, до поры до времени, – согласился Фома, а сам подумал: «От силы год, не больше, продержится тайна, а то и того не будет».

Роман промолчал, только предложил:

– Уже вечер, где уж теперь блуждать по подземным лабиринтам, оставайтесь с нами ночевать.

– А и верно, останусь-ка я с вами на ночь, – согласился Фома.

Мальчишки уже собирали дрова для костра. Большая палатка стояла под кедром. Уже стемнело, когда все, сидя у костра, уплетали сваренный Егором и Степой полевой суп, а Фемистокл рассказывал про чуди, про древних металлургов и горняков.

Он оказался прекрасным рассказчиком, на что Степан заметил:

– Фемистокл, вы родились и живете в глухом таежном поселке, и мы ожидали, что вы нам расскажете про охоту, про встречи с дикими зверями, а вы читаете лекции про подземное царство не хуже профессора горного дела или историка.

Для Фемистокла такие откровения не были новостью, примерно об этом ему говорили родные и односельчане, поэтому он не удивился, сказав только:

– Что поделаешь, каждому свое. Я хоть и лесной человек, да еще и деревенский, а вот люблю читать разные журналы, а раз уж я чуди, то и по горному делу интересуюсь.

– Дядя Фома, а теперь я хотел бы у вас спросить, – обратился с вопросом до сих пор молчавший Егор. – Вот вы прошли насквозь весь Холзун, значит, и туннель здесь можно прорыть? Тогда ведь за какие-то три-четыре часа можно будет пешком пройти в Уймон и не надо переваливать через гору, на что и двух дней мало.

– Туннель? Конечно, можно, только я бы не хотел, чтобы вместо подземного сказочного царства была забетонированная выработка. Пойдут вереницы машин, толпы народа, поселки в тайге, кафе, рестораны – и прощай, дикая природа.

– Да, нет ничего ценнее дикой природы, – подтвердил Роман. – Все человек может, а вернуть дикую природу – нет. А если и попытается, то это будет подделка.

И опять разговор вернулся к подземному царству.

– Фома, вы что, тысячелетиями сохраняли вашу тайну, тайну чуди, и никто за все это время не дознался, кто такие, как жили, как работали?

– На этот вопрос мне трудно ответить. Возможно, кто-то дознавался, возможно, нет. Даже ваши историки от науки не могут ответить на многие вопросы, связанные с событиями пятисот- и даже трехсотлетней давности. Теряются документы. Да и были ли они? Теряется связь времен. Да что там говорить, даже события наших дней разные политики объясняют по-разному, а тут речь идет о трех тысячелетиях.

Фемистокл заметно разволновался. Роман почувствовал, как важны для него все эти вопросы.

– Да, но за события последних 250 лет можно ручаться, – добавил он после некоторой паузы. – Например, как разгадали технологию плавки металла.

– Интересно, это почему же?

– Остались документальные свидетельства, причем у ваших историков восемнадцатого века.

– Вы имеете в виду русских историков?

– Да, русских или немецких на русской службе. Особой разницы нет.

– Конечно, наука интернациональна, – многозначительно согласился Роман и сам удивился своим столь умным мыслям.

– Но все-таки говорите конкретнее. Какие есть документы, что вы упомянули?

– А речь идет о временах Петра Первого, о начале восемнадцатого века, – продолжал Фемистокл. – Вы знаете, что Петр был озадачен развитием горнорудного и металлургического производства в России? До этого, считай, в России такой промышленности не было. А какая страна без металла? Вы же знаете, что в войне со шведами после первого поражения ему пришлось снять колокола с церкви, чтобы отлить новые пушки.

– Да, это хорошо запомнилось из уроков истории в школе.

– Так вот, своих специалистов в горном деле и металлургов в тогдашней России не было, и он привез из Германии таких профессионалов. А вы знаете, что большинство немцев служили верой и правдой новому своему отечеству? И особенно среди специалистов выделялся некто Вильгельм де Генин. В России его имя для краткости переделали на Вилима Ивановича, и царь ему во всем доверял.

– Да, слышал я о нем, – признался Роман, – но продолжайте.

– Этот Вилим Иванович обладал неуемной энергией. Он организовал строительство металлургических заводов на Урале и стал основателем этой важной отрасли хозяйства в России. Так вот, рудники основали, металлургические заводы построили, а выплавлять чистую медь долго никак не получалось. Вместо одних медных минералов, малахита и азурита после плавки выходила не медь, а другой, ни к чему не пригодный минерал куприт. Вильгельм де Генин выходил из себя, бушевал: «Эти танталусы сидят на злате и не могут его получить! Древние мастера умели, а нынешние не могут».

Бесчисленные депеши самому Петру возымели действие, были срочно выписаны из Германии новые мастера. Но и они разводили руками: в плавленной рудной массе медь не отделялась от шлаков. Саксонская медная руда, из которой успешно плавилась медь, отличалась от уральской и алтайской, а в чем секрет – не могли разгадать. Заводчики Демидова и Строганова также бились почти 20 лет, пытались разгадать секреты выплавки меди из российских руд.

– Это интересно, что вы рассказываете.

Роман и мальчишки с большим вниманием слушали странного подземного человека, оказавшегося знатоком секретов чуди.

– Да, так вот и бились, пока этому Вильгельму Ивановичу не привели не приметного старичка из местных уральцев.

Он и говорит:

– Ты, барин, не слушай своих ученых немцев, а лучше позови мастерового горняка из чуди, он тебе все секреты скажет.

– Это еще какого-такого чуди? – взревел де Генин. – Ты разве не знаешь, что вся чужь до Рождества Христова за тысячу лет под землю ушла?

– А вот ушла, да не вся. Ты лучше гордыню свою убери, спрячь, а с добрым человеком по-хорошему поговори. Может, тогда он тебе все и обскажет, как дело на лад поставить.

Этому де Генину ничего не оставалось, как послушаться доброго совета. А мастеровой тот из чуди, такой неказистенький, невысокий мужичок, пришел с мешочком, высыпал оттуда в горнило с толченой рудой каменный порошок и говорит:

– Вот теперь разводите огонь, посмотрим, что будет.

Заработали меха с поддувалом, температура должна быть выше тысячи градусов, и вот чудо – вместо зеленых и синих окислов меди потек чистый металл. Так был налажен выпуск меди в России из уральской и алтайской медной руды. Вот, а вы говорите, что чуди нет. А кто же секреты хранил, как не чужь? – закончил свой рассказ Фемистокл.

– А что за порошок подсыпал этот мастеровой? – спросил Степа.

– Окись минерала барита, – ответил Фома, – но это химия, а я не слишком в этом деле силен. Вернее, совсем не силен.

– Фома, вот вы сказали, что вода промыла все эти подземелья. А где же она сейчас? Лишь капель, да кое-где небольшие ручейки.

– Это верно, – согласился Фемистокл, – но ведь вода стремится вниз. Промыла себе другие галереи и там шурует себе нижним этажом под нами. Но туда лучше не спускаться. Сплошной ледяной душ, надо по воде брести, а кое-где и вплавь надо пускаться.

– А где-то на поверхность выходит эта подземная вода?

– А как же! Две реки начинаются в Уймоне от подземных источников. Там и озера есть, и реки, а где их истоки, бывает трудно понять. Часть под землей пробивается, снаружи не видно. Чтобы разобраться и понять, надо специальные исследования проводить. Вот в Пиренеях, во Франции, Испании – там с помощью красителей выясняли, где и куда подземные источники идут. Это все непросто.

– Вы, Фома, я смотрю, поднаторели в этих делах. Как это вы все знаете?

– Я же говорю, я сам горняк, хотя и кустарь. Но имейте в виду, вовсе не одиночка, у нас всегда существовала своего рода артель, и мы мастерство передавали по наследству. Кроме того, древней металлургией и горным делом я и сам с малолетства интересовался, а многое мне передали деды наши. Я подземный житель, мне сам бог велел это знать. А если честно, я же здесь вырос, еще мальчиком меня отец натаскивал по этим подземным ходам. Здесь ведь не будешь знать, заблудиться можно. Это же подземный город, для всех таинственный и неизведанный, а для меня он как дом родной. Хотя, наверное, я чересчур расхвалился. Тайны и для меня здесь еще остаются.

«Очень странное совпадение, – опять подумалось Роману, – ведь о подземном городе говорил еще Максим».

То же самое вспомнилось и остальным ребятам, а Степа прямо спросил:

– Получается, здесь целый подземный город, и в нем, наверное, чудес полно.

– Город не город, а подземный лабиринт, и чудес в нем хватает, – согласился Фемистокл. – Я не слишком все это афиширую, вернее, совсем не афиширую. Наоборот, можно сказать, держу в секрете. Иначе пойдут ватагами, замусорят, пограбят. Наш народ ведь такой – после нас хоть потоп.

– А что, кроме вас никто не знает об этом подземелье? – спросил Егор. – Во все это трудно поверить.

– Кстати, где-то есть еще входы и выходы? – заметил Роман. – Чувствуется, что воздух циркулирует, тяга есть.

– Вы правы, – отвечал их новый знакомый. – В нашей деревушке почти все знают об этих подземных ходах, но стараются не говорить о них, тем более посторонним. Боже упаси! И, кстати, пользуются ими, можно сказать, испокон веков, хотя и редко, и не все. Я же говорю – на то мы и чудь. Понемножку скребем золотую жилу. Не жадничаем, все понимают, что голову терять тут нельзя, и болтать лишнего тоже не надо.

– Чудеса! В это верится с трудом, – признался Роман, – человеческой природе присущи жадность и корысть. Неужели не находятся среди вас такие, чтобы развернуться, разбогатеть?

– А вот как хочешь, так и понимай. Выходит, не нашлось. В царское время боялись лихих людей. Узнают про золото – убьют. В революцию богатых ставили к стенке, в тридцатых за лишнюю коровенку посылали на лесоразработки, а то и просто кончали. Отучили жить богато, люди богатства боялись. А вот понемножку, горстку, щепотку золотого песка скребли время от времени. Так, чтобы с голоду не умереть. Так и в годы войны выживали. Правда, почти все мужчины на фронте были, половина не вернулась. А те, кто в деревне оставались, делились с семьями фронтовиков. Как-никак, а песочек помогал. А теперь-то нас, чудиков то есть, раз-два и обчелся. Поразъехались по городам. Я да еще трое в нашей деревне остались. Тех, которые могут робить. Последние из могикиан, держатели тайны.

– Вы, я смотрю, Фома, не очень весело настроены. А тут еще мы внедрились в ваш подземный город и в ваши секреты.

– Вы-то что! Вот рудник откроют, даже два, тогда другое дело. Тогда нам нечего будет здесь делать. Полиметаллы и железо будут добывать, а для нас это будет крах! Но, я думаю, какое-то время еще продержимся, – сам себя попытался он успокоить. – Раньше чем через три, а то и пять лет не развернутся. И мне не нравится ваша штольня, – продолжал Фома, – смотрю я на нее и думаю, что выдаст она нас с головой, стоит только увидеть ее знающему человеку. Надо бы ее ликвидировать. То есть не саму штольню, а вход. Челю, так сказать. Завалить или хотя бы замаскировать. А выход другой, причем с вашей стороны, я вам покажу.

– Завалить? Это же большая работа, нам она не по силам.

– Впятером можно сделать за пару дней. Вы учтите, что на нашей стороне будет закон господина Ньютона о земном притяжении, о всемирном тяготении.

– Как это? – не понял Агафон.

Рома его упрекнул:

– Сразу видно, что ты хромаешь по физике.

– Да, – подтвердил Фома, – стоит только поковырять землю над штольной, и она сама полетит вниз к устью штольни. Можно обойтись одними только лопатами.

– Ладно, там посмотрим, – уклончиво ответил Роман.

Разрядкой тревожных мыслей стала прогулка по отвалу.

– Вот глядите, – Фемистокл показал на зеленый и синий камешки, – это малахит и азурит, окислы меди. Из них чудь и выплавляла металл.

– Неужели это малахит? – удивился Степа. – Тот самый, из которого знаменитая малахитовая шкатулка выточена?

– Ну, не совсем тот. Красивый, поделочный малахит добывали только на Урале. Наш для этого не годится, видите, какой рыхлый, крошится в пальцах, хотя по химическому составу он тот же.

– А как же из них металл плавил? – спросил Гоша. – Никак эти камни не похожи на металлическую медь.

– Очень просто, – ответил Фома, – толкли, закладывали в глиняные формы слоями попеременно с древесным углем, добавляли сульфат бария и все это отправляли в печь. Чтобы добиться высокой температуры, подключалось воздушное дутье с помощью примитивных мехов, то есть с дополнительным поддувом воздуха. А меха делались из цельных кож животных, например, барана. Добавляли для горения кислорода.

– Действительно, просто и даже примитивно, – согласился Роман.

– Просто, да не совсем, – поправился Фома, – наверное, я неточно выразился, назвав процесс простым. Правильнее его назвать примитивным. Прежде чем нашли добавку из сульфата бария, древние металлурги немало поломали голову. Химию-то они не знали. Только пробами, экспериментами решали проблему. И потом, после плавки еще надо было металл доводить до кондиции, получалась медь, опять-таки пока еще только черновая медь. Там были включения шлаков, их надо было убирать. Слиток разрубали на части, выковыривали ненужное, просеивали, и так несколько раз.

– Да, кажущийся простым процесс на самом деле был сложным, – согласился Роман.

– Сложным и дорогим, – подтвердил Фемистокл, – но с дороговизной не считались, труд был рабским, и хозяева и потребители с ценой, а вернее, с затратами труда мирились. А куда денешься! Все очень примитивно, никакой механизации. И обогащение – отделение рудных кусков от пустой породы – тоже вручную. Вот так сидели и откидывали – руду в одну кучу, просто камень – в другую.

– Да, отец рассказывал, что на Зыряновском руднике этим занимались дети, – вмешался Егор.

– Верю, это считалось легким трудом, – подтвердил Фома.

– Фома, вот вы показываете рудные минералы, они зеленоватого и синего цвета, а как же рудная железная шляпа цвета ржавчины, желтая и рыжая? – задал вопрос Роман. – Вы же в местных рудах разбираетесь, в зыряновских?

– Да, верно, – согласился Фома, – руды старого зыряновского рудника были в основном рыжей окраски, цвета ржавчины. И вы догадаетесь почему.

– Видимо, много окислов железа?

– Совершенно верно, и еще там было много окислов цинка, а они тоже в основном бурой расцветки, они и назывались охряными. В отличие от руд уральских, где преобладала медь, окислы которой синие и зеленые.

– А вот и она, легка на помине, Медной горы хозяйка! – Рома заметил ящерку изумрудного цвета, замершую на одном из валунов.

Ребята разглядывали знакомую всем ящерицу, сразу вдруг приобретшую совсем другой статус – символ древних рудных залежей.

– Между прочим, – продолжал Фемистокл, – мальчишкой я бегал по склонам горы, где располагался Зыряновский рудник, и находил еще остатки древних копей. Они были совсем небольшие, так, закопушки метра по полтора-три длиной. А однажды повезло, в обрывистом берегу речки Маслянки я заметил: торчит какой-то предмет. Трогаю, он тут же поддался, смотрю: бронзовый нож. Догадаться было нетрудно – явно древний, чудской.

– А я знаю, из охры делают желтую краску, – вдруг вмешался Агафон.

– Да, причем это самая древняя краска, которой пользовались даже первобытные люди, – подтвердил Фемистокл. – В пещерах на Пиренеях во Франции находили древние рисунки, нарисованные охрой. А это двадцать тысяч лет тому назад.

– Страшно подумать, как долго длился этот период древнего человека, – в задумчивости сказал Степан. – В пещерах у костров. И как только выжил человек?

– Заметьте, мамонты вымерли, пещерные носороги и медведи вымерли, а человек смог сохраниться. Все благодаря разуму, – поддержал его Фома. – А вот скажи-ка, Роман, ты же студент технического вуза, значит, технарь: куда подевалась древняя медь, выплавленная две или три тысячи лет назад? Ее ведь добывали, судя по гигантским горным разработкам на том же Южном Урале, на Алтае, сотни и тысячи тонн. А медь в отличие от железа не окисляется так быстро, не исчезает, превращаясь в ржавчину за пятьдесят лет, и хранится в почти нетронутым виде сотни и даже тысячи лет. Так вот куда делась медь, выплавленная в бронзовом веке? Вот хранятся медные и бронзовые изделия древности в музеях мира, так это не более тысячной доли процента от выплавленного. А куда делся остальной металл?

Роман, не находя ответа на такой казалось бы простой вопрос, задумался.

– Да, Фома, задали вы задачку, даже не знаю, что и сказать.

Зато Агафон сразу сообразил:

– Так не все же курганы разрыты. Вот разроют, и тогда все сойдется – сколько добыли, столько и найдут.

– Молодец! – похвалил Агафона Фома. – Логично мыслишь, а главное, смело, и быстро нашелся, что сказать. Только я думаю, если все курганы разрыть, то будет не одна тысячная процента, а две, три или четыре тысячных. И дисбаланс останется.

– Значит, остальное где-то в земле, – догадался Степа. – Вместе с культурным слоем.

– Интересный ответ и похожий на истину, – согласился Фома. – Но ученые и сами разводят руками. Говорят, что не знают, и все тут.

Роман со Степаном отправились устраивать лагерь, а Егор с Агафоном неотступно следовали за Фемистоклом, жадно слушая его рассказы.

– Фома, – начал Егор, – вот вы давеча говорили про троглодитов, пещерных людей. А как они уживались с пещерными медведями? У троглодитов, наверное, кроме дубины ничего и не было, а что дубинка против такого громилы!

– Это верно, одному человеку с медведем трудно справиться, – согласился Фемистокл, – но у человека, даже древнего, было другое оружие – разум, а кроме того, они действовали сообща, а вдвоем-втроем даже пещерного медведя можно одолеть.

– А чем пещерный медведь отличался от нашего? – спросил Агафон. – Наш тоже берлогу норовит сделать в каком-нибудь укрытии, а то и в пещерке.

– А кто его знает, признаюсь в своем невежестве в этом вопросе, – сказал Фемистокл. – Разве что покрупнее, я думаю. А так, что человек в ту пору, что медведь, друг на друга смотрели как на объект охоты. В природе всегда стоит проблема питания, а на одной травке да на корешках ни человек, ни медведь не проживет. А тут еще убежище от холода надо искать, а где оно? Только в пещере. У человека огонь, у медведя – теплая шуба. Так и соревновались друг с другом.

– Все же человек победил, – заметил Егор. – Где он, пещерный медведь?

– Я думаю, он переродился в нашего, современного, хотя нигде не встречал, в чем же между ними разница.

Расставаясь наутро, Роман спохватился:

– А как же мы будем общаться, встречаться?

– Оставляйте записку на том месте, где меня нашли. Летом я бываю там почти каждую неделю.

В логове троглодитов

– Вы обещали показать жилище троглодитов, – напомнил Фемистоклу Агафон, когда через неделю они снова встретились.

– Да, да, это очень интересно, хотим посмотреть, – поддержал Егор. – Далеко ли это?

Фома усмехнулся:

– Здесь скорее подойдет вопрос: сколько времени займет дорога и трудна ли будет? Это же все промоины, проложенные грунтовыми водами. Так вот, я рассчитываю, что часа за два мы доберемся, а путь будет относительно простым, если только можно так сказать про подземные лабиринты. В пещерах не столько ходят, сколько лазят, и никогда не знаешь, что может ожидать на этот раз в пути. Как у вас с освещением?

– Если экономить, должно хватить, свечи можно жечь по очереди, по одной-две на всех.

– Глядите, лбы не расшибите, – несколько неуверенно сказал Фемистокл и добавил: – Боюсь, что вы разочаруетесь, вряд ли что там может вас заинтересовать.

– Как что! А наскальные рисунки, битва с мамонтами и пещерными львами?! – воскликнул Агафон.

– Ах, вот что ты ждешь: живопись людей каменного века! По-твоему, все троглодиты были художниками и разрисовывали стены? Но это совсем не так. Древняя живопись – это большая редкость, даже редчайшая. Насколько мне известно, такие рисунки найдены только в пещере Альтамира на Пиренеях в Испании да

вроде бы где-то в Африке. У нас есть наскальные изображения, так называемые петроглифы, но они датируются более поздними периодами. Бронзовым, железным веком, к тому же все они на поверхности, выбиты или процарапаны на камне. Человек, как вылез из пещеры, так больше туда не возвращался. Разве что в землянки, – добавил он, усмехнувшись.

– Все равно интересно посмотреть и представить себя на их месте, – настаивал Агафон. – Как жили-выживали.

– Жили грязно, в антисанитарных условиях. Да это вы и сами можете представить, зная, что у древнего человека ничего не было из предметов быта. Ни посуды, ни одежды. Спали на кучах хвороста, на соломе, укрывались звериными шкурами, из них и одежду делали. Можно еще пофантазировать, представить, это не так уж трудно, но не очень приятно. Одним словом, обитали в логовах. Что было хорошего – огонь. Возле него грелись, спасались от холода. Наверное, берегли, хотя тут неясно, возможно, умели его и добывать. А так, сплошные проблемы, проблемы выживания. Где найти пищу, как спастись от холода, от хищников, от болезней.

– А по какому признаку вы находите жилые пещеры? Как определяете, где жилая, а где нет?

– Самым примитивным образом. Себя ставлю на их место. Что у них было, что можно найти? Почти ничего. Никаких металлических предметов, никакой керамики, ничего этого не было, еще не изобрели. Было дерево – оно не сохраняется. Кость, обломки камня. Огонь! Надо искать его следы.

– А что оставляет огонь, кроме сажи и закопченных стен?

– Угольки, кусочки древесного угля! Как ни странно, они могут сохраняться тысячелетиями. Вот их и надо искать. Разумеется, кроме каменных ножей, наконечников копий и стрел, каменных топоров и мотыг. Костер жгли у входа, чтобы не задохнуться от дыма.

– Ага, сидели, грелись и мясо жарили. Мамонтовое.

– Если бы. Я думаю, они всегда голодные были, а уж когда удавалось добыть какого зверя, то зараз его тут же и съедали. Как волки. Их жизнь и была похожа на жизнь диких зверей, и висела на волоске, как говорится, на грани выживания. И сколько погибало, сколько выживало, одному богу известно. Мне представляется, что выживал один из десяти. И опять, что значит «выживал»? До какого возраста жил? Логично думать, что надо считать до возраста, когда человек может оставить потомство, то есть до 20–25 лет. Иначе популяция вымрет.

– Так мало?

– Что поделаешь, жизнь была слишком суровой. Видимо, отдельные индивидуумы доживали до преклонного возраста, но я думаю, их было очень мало. Голод, войны, болезни, эпидемии. К тому же кое-где существовала вынужденная традиция освобождаться от ненужных членов общества.

– Убивали?

– Возможно, не убивали, а оставляли умирать. Изгоняли. Немоощных и на хлебников содержать было невмоготу.

– Это одно и то же.

– Что поделаешь, в мире так устроено: главное – сохранить популяцию, род, племя, чтобы оно продолжалось. Например, у хищных птиц, когда наступает голод, съедают самого слабого птенца в гнезде.

– Что, и у человека так было?

– Гоша, ты задаешь вопрос, на который сам можешь ответить не хуже меня. Здесь можно только гадать. Некоторые исследователи считают, что у древних людей каннибализм был в норме. Ты сам знаешь, что он имел место даже в совсем недалеком прошлом. В любом случае пища, тем более белковая, у человека каменного века была драгоценностью, и он не пренебрегал любой. Сам подумай, вот в нашем суровом климате чем питался древний человек зимой? Корешками сыт не будешь, даже трава, и та под снегом. Мамонта, оленя попробуй добыть. Если и загонят какого, то такая удача бывает очень редкой. Вот лось выживает за счет прутняка. Ивовый молодняк, бывает, подчистую выгрызает. А что человеку остается делать, чтобы зимой не умереть от голода? Наверняка и человечинку ели.

– Да, романтики мало.

– О романтике и говорить нечего. Романтика есть только у писателей, изображающих жизнь древних людей. Без романтики никто книгу читать не будет.

– Честно говоря, у меня как-то и интерес к этим троглодитам поуменьшился, – признался Егор. – Больно все грубо и жестоко.

Роман, до сих пор не принимавший участия в разговоре, не выдержав, наконец вмешался:

– Жизнь вообще груба и жестока. Это и есть дарвиновская теория эволюции и происхождения видов: слабый погибает, выживает сильнейший. Он же и оставляет потомство, и так из поколения в поколение совершенствуется вид, все более приспособляясь к существованию. Так древний человек совершенствовался, пока не превратился в гомо сапиенс, человека разумного.

– Стойте, стойте! – сметливый Агафон углядел пробел в дарвиновской теории. – Ты, Роман, говоришь, что выживает сильнейший, умнейший, трудолюбивый, а бедный и ленивый должен погибать?

– В принципе, да, – вынужден был признать Роман, – хотя я сомневаюсь, что человек разумный сейчас совершенствуется по этой схеме.

– Вот-вот, я тоже об этом хочу сказать. Получается совсем наоборот, чем по дарвиновской теории, – не унимался Агафон, – самые бедные народы, например, многие племена в Африке, усиленно размножаются, имея по десять и более детей в семье, в то время как богатые и успешные европейцы вымирают, имея двух, а то и одного ребенка? И население в Африке растет, а в Европе сокращается.

– Что ж тут не понять? – вмешался Степа. – Человеческий разум все перевернул в мире, и прежние законы природы уже не работают. Я имею в виду людей. У нас все по-другому. И потом не надо забывать, что видимые изменения происходят через значительный период времени, нужны миллионы лет для этого.

– Осторожней, голову не разбейте! – предупредил Фемистокл, прервав разгоревшийся диспут. – Видите, свод понизился. Здесь в три погибели придется сгибаться.

– Хорошо хоть не ползком, – прокомментировал Егор, – шибко не люблю на карачках передвигаться.

Местами проход превращался в узкую наклонную щель, где протискивались боком. Завалы каменных обломков преграждали путь, узкий лаз, извиваясь, уходил в сторону и куда-то вниз. Ручей же, журчащий рядом, вдруг нырнул и с шумом исчез в небольшом отверстии на полу.

– Кстати, Фома, – вдруг перешел на другую тему Степа, – куда уходит вода? Как я понимаю, не вся она выходит на поверхность. Проваливается в тартарары. Куда она девается, не в центр же земли?

– Знаешь, Степа, – признался Фемистокл, – я и сам об этом частенько задумываюсь. Ты же видел зимой полыньи вдоль по замерзшему руслу Хамира. То же и по Бухтарме. Я думаю, это подземные воды пробиваются, выходя на поверхность, не дают замерзнуть всей реке. Родники, ты это и сам знаешь. Но сколько-то воды действительно уходит куда-то вниз. Я вот думаю, что эта вода скапливается где-то в горных породах. Ты же слышал про так называемые подземные моря и озера? Скорее всего, это просто трещины в породах, заполненные водой. Иногда такие подземные воды даже в пустынях находят. Бурят скважины, качают воду, используют, и ее бывает очень много.

– Фу ты, черт, чуть башкой не стукнулся, – пожаловался Рома. – Долго нам еще карабкаться?

– Да вот же, почти пришли.

Своды подземной полости расширились, и путники очутились в обширной сухой камере, в дальнем конце которой слабо засветился выход на поверхность.

– Однако... Заросло все, – сказал Фемистокл, на корточках пробираясь к выходу сквозь густые ветви черемух и колючей боярки. – Но это и хорошо, меньше любопытных глаз обнаружат лаз. Давненько я тут не был, – добавил он, озираясь и осматриваясь. – Однако, лет пятнадцать.

Щурясь, ослепленные ярким светом, спелеологи вышли наружу. Конечно, всех интересовал вопрос, где они находятся. Это был сырой и тенистый лог, густо заросший осинником, под сводами которого буйно разросся папоротник и типично таежное разнотравье, сплошь закрывающее поверхность земли.

– Не так уж и далеко от вашей штольни, – заявил Фемистокл, – мы находимся в соседнем отщелке. Вот вам запасной выход, о котором я уже говорил. Причем гораздо более скрытый, чем штольня. Сюда никто не ходит, и им вполне можно пользоваться.

И он опять повторил то, что уже говорил и раньше:

– А штольню можно бы и замуровать.

Все промолчали, а Фома продолжал:

– Ну вот, я думаю, что здесь могли обитать пещерные люди. Сухо, лес рядом, есть дрова. А что еще надо для существования людей? Естественно, пища. Летом собирали ягоды, корешки, весной дикий лук, свежие ростки молодой зелени, осенью орехи, калина, рябина. Зимой было туго. Делали силки, западни на птицу, зайцев. Конечно, голодали. Обо всем этом можно только догадываться. Охотились и добывали пищу мужчины, женщины с детьми ждали их, сидя в пещерах, и поддерживали огонь.

– Я думаю, они ели и лягушек, и ящериц, и насекомых, – заявил Агафон.

– Все возможно, и даже скорее всего, – согласился Фома, – собирали птичьи яйца, все шло в дело, все, что живое. Давайте попробуем покопаться в почве, может, что и найдется. Каменный обломок какой или уголек.

Тут только вспомнили, что не догадались взять лопатку или какую другую захудалую ковырялку.

– Вот мы теперь, как те пещерные люди, должны приспособливаться и придумывать себе инструмент из подручных материалов, – ворчал Роман. – И даже

хуже. У тех хотя бы кость была от быка, лопатка, чтобы землю отгрести, а нам разве что палкой придется ее колупать.

Пока рылись, तो ножичком, то деревянным сучком, Фемистокл достал свое огниво – кремень, стальное кресало и клочок сухого мха. Молча высек огонь и стал разводить костер прямо у входа перед гротом. Всем остальным этот способ добычи огня тоже был известен.

– Вот здорово, будем как те дикари, что здесь жили! – обрадовался Агафон.

– Как же, тут сидели. Горевали аль радовались, кто знает.

Егор подсел поближе к Фемистоклу:

– Фома, а куда они все делись? Жили, а от них самих никаких следов. От бронзового века хотя бы курганы с костяками, а от каменного ничего, кроме каменных молотков,

– Так ты сам подумай, полмиллиона лет прошло с тех пор, страшно представить. А может, и миллион.

– Целый миллион, и все так и сидели, глядя на огонь?

– Сначала голышом бегали без огня, тепло же было. Когда похолодало, тут уж никак: или помирай, или огонь жги. Огонь и помог людьми стать. А уж как оплавился на костре металл, – медь то была, – так все куда быстрее пошло. Одно за другим: бронзовые орудия появились, гончарные изделия, одомашнивание скота, выращивание хлеба...

– Чудно это, в звериных шкурах костер жгли, теперь мы жгем. И все на одном месте.

Затея с костром всем понравилась. Раскопки бросили и стали помогать Фоме, подтаскивая кучи хвороста. Пылал жаркий огонь, и дым поднимался выше самой высокой пихты, клубы его и в пещеру норовили валом попасть.

– Мужики, а я нашел следы троглодитов! – вдруг подал голос Агафон, разглядывающий портал пещеры. – Как вы не заметили: тут же весь вход закопчен.

– Где ты это увидел? – Рома со Степой встали со своих мест.

– Вот же: тру, тру, не оттирается, так копать въелась! Кругом все серое, а здесь чернота.

– Какая тебе копать, когда это солнечный загар! Видишь, чернота только на внешней стороне, а дальше ее нет.

Гоша со свечкой стал осматривать потолок, но слабый свет не пробивал черную тьму подземелья. Обитель вечного мрака не хотела отдавать свои тайны даже у своего выхода. Валы то ли дыма, то ли влажных испарений клубились под потолком, и за ними, высоко в глубине Агафону что-то почудилось живое, тревожное, непонятное.

– Ой, Рома, кто это?

Две пары глаз огоньками сверкали в темноте, и не успел Агафон что-либо понять, как что-то рыхлое, мохнатое метнулось к выходу, едва его не задев. Груда перьев обдала волной воздуха, однако бесшумно пронеслась.

– Фу ты, чучело пучеглазое! Пугач! – как тут было не признать демона ночи филина.

– Гоша, ты чего там разбушевался?

– Да вот черта глазастого гоняю!

– Ты его или он тебя?

– Пусть только попробует! Ишь, полетел, сослепу вот-вот на пень наткнется!

Вокруг стоял, шумел, звенел и пел на разные голоса лес. Суетились, порхали птицы, все больше мелкие, резвые и разноцветные. В котелке булькало варено с картошкой, а разведчики земных недр бурно обсуждали жизнь древних обитателей пещер.

Фемистокл же, прежде чем расстаться, сказал:

– Как я и предполагал, вы немножко разочарованы, так как ожидали от пещеры троглодитов большего. Нет-нет, не возражайте, я вас понимаю. Но в следующий раз я могу показать вам одну вещь, которая вам обязательно понравится. Это подземный зал, где скопилась целая гора останков животных. Конечно, если вы желаете. Я ее называю кладовой чудес, а еще палеонтологическим музеем.

– Еще бы не желать, – возмутился Агафон. – Кто от такого откажется!

– А что за животные, и как они там оказались? – удивился Роман. – Вы говорите какие-то фантастические вещи.

– А черт его знает, как они туда попали, – отвечал Фома. – Провалились сквозь землю, упали, разбились. Олени, быки. Насчет носорогов, мамонтов ручаться не могу, не видел. А вот медведь есть, россомаха, рысь. Кости, рога, а некоторые мумифицировались, сохранились с шерстью.

– Получается, там у вас сплошные чудеса, – заметил Егор. – Мне уже хоть сейчас хочется там побывать.

– Чудеса – это верно, – заметил Фемистокл, – но на сегодня хватит, мне надо возвращаться, а в следующий раз – пожалуйста. Но я должен предупредить вас, – продолжал Фемистокл, – что по тому лазу бежит ручей, и путь туда нелегок. Туда ведет узкий ход и почти всю дорогу надо идти по воде и пригибаясь, чтобы не разбить голову, а метров пятьдесят придется лезть на коленках и все по воде.

– Ну что ж, можно и сто метров пролезть нагишом, – расхрабрился Егор. – Как, идем?

– Конечно, идем, – почти хором, одновременно ответили Роман с Агафоном.

А Егор добавил:

– Жаль, что не сейчас, и ждать целую неделю.

Происки черных старателей

Слежку за самостоятельными рудознателями устроили сначала черные старатели, затем Арчба, давно и тайно желавший прославиться открытием какого-либо месторождения. Сам он, занятый медвежьими облавами, писанием отчетов, и по своему статусу давно не выходивший по маршрутам, послал на разведку своего прораба Фатеича. Тот же, ленивый и нерадивый, посланный выследить рудознателей, не смог выполнить задание. Разве угонишься за молодыми! А он уже в годах, не привыкший к пешим походам, пару раз пытался тайком вести слежку, но отстал, потерял след, вернувшись ни с чем. Только и сказал: «Это дальше Тегерека, где-то в районе Большой и Малой Логоух».

Но и ребятам трудно укрыться от глаз Арчбы. Хоть и тайга, а все на виду. Поселок крохотный, дорожка одна мимо конторы Арчбы, а он, кавказец, все видит и слышит.

Уран не нашли, нет здесь урана, зато свинец, медь, золото везде. Везде-то везде эти синие и зеленые камешки медной зелени и малахита, но до промышленного содержания далеко. Бедное содержание не оправдает затраты на их отработку.

Где уж тут о доходах и барыше! А те образцы, что видел Арчба у калитки Агафоновой избы, не давали ему покоя. Чистый галенит и сфалерит. Но где оно, коренное месторождение? Где этот поток прорвавшейся магмы из земных недр? Где эти отложения рудных минералов, образовавшиеся по трещинам и разрывам земной коры?

Ох, как тяжело даже на лошади пробираться по алтайским дебрям. Это же не просто тайга, а горные дебри со сплошными буераками, обломками скал, завалами из упавших деревьев, намертво укрытыми травяной завесой, так что ничего не разглядеть, а только кувыряться и ломать руки-ноги. Тут и конь шагает с величайшей осторожностью – того и гляди, ухнет в промоину, застрянет в каменных глыбах, переломает ноги, поранит об острые грани сланцевых осколков. Чертыхаясь и кляня своего коня, Арчба срывал свое недовольство на Савелии, рабочем партии, человеку, ко всему равнодушном, если не сказать ленивом.

Тут надо бы шариться пешком, да где там погрузневшему Арчбе в годах угнаться за крепкими молодыми парнями, выросшими в тайге! Эх, где же ты, прежняя молодецкая удаль? Куда делась прежняя сила и ловкость джигита? А ведь сколько хаживал раньше на медведя, сколько гор переломал, что на Кавказе, что здесь, на Алтае! Чуюл Арчба, что находится на верном пути, вот и рудная осыпь с рыжими и синими обломками окисленной руды, а самого месторождения не видно. Ну а где же штольня, где вход в подземный город, в сокровищницу Али-Бабы со сверкающими бриллиантами сульфидов? Таково уж свойство алтайской чудодейственной земли: пролился хороший ливень, смочил землю, и через месяц ее не узнать – любую проплешину затянет плотным травяным ковром, а через два года тут будут стоять труднопроходимые травяные джунгли. А то и кустарник поднимется. Не обратил внимания на подозрительно засохшие кусты рябины и калины, которыми старательно замаскировали устье штольни ребята. Словом, не увидел Арчба вход в пещеру, не нашел заветные слова «Сезам, откройся». Но нутром почуюл, что на верном пути, что где-то здесь собака зарыта. «Черт с ним, рискну, заложу скважину на свой страх и риск, – решил он. – Не может быть, чтобы не нашупал руду, хоть краешком да ухвачу. Лишняя скважина – это перерасход, за это крепко влетит, как минимум выгонят. Но ведь риск – благородное дело, авось повезет, а победителя не судят». Так рассуждал и думал старый разведчик, и он был прав. Прав, вопреки инструкциям и правилам ведения работ, где все должно вестись по проектам и планам, одобренным вышестоящим начальством. Арчба был темпераментным, горячим кавказским человеком, любившим рисковать. А как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Словом, Арчба был себе на уме и, уезжая, имел в голове план, твердо решив действовать. И наверняка нашупал бы опытный разведчик богатую руду, так как правильно рассчитал место заложения скважины, но пришел приказ о срочном расформировании разведочной партии, то есть ликвидации разведки на уран, как понял сам Арчба, по двум обстоятельствам: из-за недавней смерти вождя и снятия актуальности радиоактивной разведки. «Значит, где-то нашли то, что искали так торопливо и во многих случаях бесперспективно», – вполне резонно рассудил он, без особого энтузиазма сворачивая работы в полюбившемся ему крае.

Но были еще и другие люди в тайге, заинтересованные в поисках проявлений цветных металлов.

В один из вечеров Петр Иванович делился с женой:

– Бродят тут у нас нелегальные старатели. Их как запретили, так они теперь слоняются где попало, тайком моют.

– Ну и пусть моют, тебе-то что? – отозвалась Марфа.

– А то, что голодные они теперь. Рыщут, вроде бродят, прячутся от властей, а золотишко все равно ищут.

– Зря их запретили, – сердито отозвалась Марфа. – Люди при деле были, а теперь, того и гляди, займутся воровством.

– Я о том и говорю, – согласился Петр Иванович, – теперь глаз да глаз нужен. Говорят, они и руду с рудника воруют. Там же везде золотишко в ней есть.

– А как это? – не поняла Марфа.

– А кто их знает, я же не работник рудника, не шахтер. Договариваются с шоферами, что руду на фабрику возят. Ее же не только в Зырянковке добывают. В Путинцево, на Заводинке. Вот Круглую сопочку на Бухтарме начали ковырять.

– Не у нас же, и слава богу.

Марфе не очень нравился этот разговор, казавшийся вовсе не нужным.

– Мало ли кто чем занимается, нас это не касается.

– А я другого мнения, – не согласился Петр Иванович, – они же тут и у нас рыщут. Бродят, вроде цыган, табором стоят, а чем живут – непонятно. За ними надо следить, чтобы своего добра не лишиться.

– Да, я тоже их видел, – вмешался в разговор родителей Степа. – На Екипецком ручье. Речку разворотили, деревянное корыто установили, а сами от людей прячутся.

– Вашгерд называется, это промысловое устройство, – пояснил Петр Иванович.

– Вы, ребята, подальше от них держитесь. В шахту-то они не хотят идти.

Не прошло и недели после этого разговора, как Романа на лесной тропе оставил незнакомый мужик.

– Слушай, парень, – обратился он довольно развязно, – вы, я слышал, руду знатную нашли.

– Это какую еще руду? – притворился неучем Роман. – Я дома отцу помогаю по пчеловодству, а с рудой дела не имею.

– Ладно, не придуривайся, – довольно грубо оборвал его незнакомец. – Я сам видел рудные куски у дома твоего дружка. Агафоном его, что ли, звать? Знатные образцы.

– Агафон? Так это он у Арчбы выпросил. Вы же знаете геологическую партию, что у нас стоит?

– Опять врешь, – не сдавался мужик с лицом, обросшим щетиной, – партия совсем другое ищет, а тут медь, свинец, цинк. Причем чистый сульфид.

– Ну вот видите, вы все знаете, а нам откуда знать. Тем более Агафону. У него и родители-то неграмотные.

– Ладно, – мужик вдруг переменял тон разговора на примирительный, – я же хотел вас в пай взять. Можно деньги хорошие заработать, а вы, я догадываюсь, хорошее место знаете.

– Что вы! Меня отец не отпустит. Работы, сами знаете, на пасеке по горло. Не продохнуть.

– Ну, смотри. А то подумай, – наконец отстал старатель, смахивающий на бандита, – если что, мы тут как тут. Ты это имей в виду.

Роман же опять подумал: «А может, и прав Фома, советовавший замуровать вход в подземный город?» От этого разговора у Романа осталось очень неприятное впечатление, такое оставляет, например, встреча с чем-то противным или безобразным. Запомнился угрюмый и в то же время пронизывающий взгляд сверлящих, маленьких глаз, как будто ползающих по земле. Да и сам этот тип производил впечатление бывшего зэка, отсидевшего за убийство.

Рассказывая об этой встрече своим друзьям, Роман предупредил:

– Держите ухо востро и не подавайте повода для раскрытия нашей тайны. Никаких следов руды и рудных минералов в доме и во дворе быть не должно. Уверен, что за нами ведется слежка.

– Ага, я уже свои образцы закопал, как будто спрятал клад, – похвалился Агафон.

– Вот-вот, так ты с панталыку собьешь будущих разведчиков, – заметил Егор. – Через какое-то время геологи найдут твой клад и объявят, что нашли новое месторождение. Вот будет хохма!

Кладовая чудес или пирамида жертвоприношений?

Июль – макушка лета и самая жаркая пора у сельского жителя, а у пчеловодов особенно. И не только потому, что температура за 30 градусов, а оттого, что этот месяц кормит пасечника весь год. Как ни в какой другой месяц трудятся пчелы, мед только успевай откачивать, а тут еще и сено надо накосить и от дождей сохранить. Про заготовку дров можно не упоминать – за это дело можно взяться и в сентябре, и в октябре.

– Не поработаешь летом, зимой лапу будешь сосать, – не раз говорил Петр Иванович, но добавлял: – Но и детства нельзя лишать ребят. Детство, оно бывает одно у человека, и каким оно будет, таким этот человек и вырастет: хорошим или плохим. А что такое хороший человек? Не столь важно, образованный он или нет, главное, чтобы жил честно, зарабатывал на жизнь праведным трудом и был порядочным человеком во всем. А корысть, алчность, она до добра не доводит. Душу золотому тельцу никак нельзя продавать, так и мать родную забудешь. Жадность, страсть к обогащению, этот порок не лучше наркомании или алкоголизма, сколько людей он погубил!

Слова есть слова, а собственный пример, тем более родного отца, куда лучше любых нравоучений. Роман со Степаном старались как могли, помогая отцу на пасеке, но час-полтора перед сном – это их время. Солнце клонится к закату, а они оба вместе с Верой бегут на водопады Большой Речки, где успевают и окунуться в ледяные воды хрустальной реки, прыгая с утеса, и половить хариуса в глубоком омуте под скалой. Но есть дни, когда позарез хочется уйти в лес, погрузиться в его объятия и забыться хотя бы на короткое время, отдохнуть от забот и унять эту гонку не только изнуряющего физического труда, но и морального напряжения от гнетущих забот. Теперь же братьев одолевали мысли: а что же сейчас там, в нашем подземном городе?

Как принято в крестьянских семьях, в летнюю пору в пять утра все уже на ногах. Мать готовит завтрак, отец чинит инвентарь. Роман встал с приподнятым настроением: сегодня Фома обещал сводить их в пещеру, где скопилась целая гора останков животных. Оба они со Степой с нетерпением ждали этот день и с родите-

лями договорились загодя. Согласия-то добились, но у Марфы остались сомнения. Частые отлучки сыновей из дома были ей непонятны и вызывали недовольство.

– И что вас туда тянет? То была тайга, теперь какая-то каменоломня. Что там за коврижки с медом? Степе нынче поступать в институт, а он все в лес смотрит.

Роман хотел сказать, что с учебой у них все в порядке, но его опередил Степа, неожиданно заявив:

– Рома, мама права, я остаюсь.

«Странно, – подумал Роман, – для Степы это необычно». Но он не привык кому-либо навязывать свое мнение, убеждать или отговаривать и промолчал, согласившись, что, возможно, и мама, и Степа правы: поступление в вуз куда важнее всего остального.

Когда Роман с Егором и Гошей спустились в подземный город, Фемистокл уже ждал их.

– Вещи, одежду можно, как рюкзак, приспособить на спине или на голове, – поучал он. – Раздетым-то в том подземелье будет прохладно. Но это еще не все, – добавил он, – в одном месте там вода доходит до живота, и так метров семьдесят надо брести, принимая ванну.

– Что же там, озеро? – спросил Роман.

– Озеро не озеро, а понижение, заполненное водой. Зато там можно идти на ногах, хотя и согнувшись в три погибели.

– Пугайте не пугайте, нам не привыкать, и мы не откажемся, – изрек неунывающий Егор, – подземелья тут везде, и мы сами уже стали почти пещерными людьми.

– Ага, троглодитами, – согласился Гоша, – мне нравится это слово.

– Наоборот, в этом слове слышится какое-то неуважение, – возразил Роман. – Иногда этим словом называют некультурных, грубых и нечистоплотных людей, хотя, думаю, это не совсем правильно. Одно дело опустившиеся современные люди, и совсем другое – первобытные люди, у которых действительно не было условий для нормальной жизни. Они, эти троглодиты, хоть и жили в антисанитарии, но все же были людьми, и другого выхода у них не было. Ходили в звериных шкурах, спали на земле или в лучшем случае на куче соломы, и где уж там было мыться, живя в пещере.

– Представляю, какие шли от них ароматы, – не удержался Егор. – Только и искупаться разве что летом на реке, а потом всю зиму трястись от холода, сидя у костра.

– Какое уж тут мытье, когда одни мысли, чего бы пожрать и как убежать от медведя, чтобы он тебя не съел, – поддакнул Гоша.

Тут они подошли к малоприметному лазу, скрытому в боковой расщелине. Ручей, мимо которого они шли, скрывался в нем, протекая бесшумно и мирно.

– В общем, я вас предупредил, – сказал Фома, прежде чем нырнуть в дыру высотой гораздо меньше человеческого роста. – Не спотыкайтесь, будьте осторожны, и аккуратней со свечками. Не забывайте, что здесь всюду вода. А верхнюю одежду лучше снять, – добавил он, раздеваясь и запихивая брюки в рюкзак. – Так-то лучше будет, потом в сухое переоденемся.

Узкий и тесный ход, похожий на нору, извиваясь то влево, то вправо, уходил куда-то в сторону, а ручей, по руслу которого почти все время приходилось идти, вдруг превратился в озеро.

– Не бойтесь, здесь неглубоко, – оборачиваясь к своим спутникам, предупредил Фемистокл, шедший первым. – Бывает по-разному, – сказал он, осторожно погружаясь в воду, – то по колено, а иной раз бывает и по пояс. Бр-р, холодная водичка, но куда денешься, любознательность требует жертв. Такие места, когда подземная галерея с водой то ныряет вниз, то, наоборот, поднимается вверх, спелеологи называют сифонами.

– Здесь есть некоторая неточность, – поправил Роман, – сифон – это когда вода чтобы перелиться в нижний сосуд, должна подняться выше верхнего сосуда.

– Да, такое бывает в карстовых пещерах, – согласился Фемистокл. – Вообще, вода каких только не прокладывает хитроумных лабиринтов под землей. А безумцы, называющие себя спелеологами, потом лезут во все эти промоины.

– Ага, вроде нас, – поддакнул Агафон. – Не лучше лягушек лазим на карачках. Преодолев озерко, оказавшееся не более сорока метров длиной и глубиной чуть выше колена, путники вступили в узкий косой лаз, похожий на щель, где надо было продвигаться, изогнувшись и упиравшись руками в одну из стен. Зато ручей скрылся в глубокой промоине, и можно было идти, а скорее, пробираться посуху.

– Теперь совсем близко, – обнадежил Фемистокл, когда лаз выпрямился, превратившись в подземный коридор, где можно было распрямиться и стать во весь рост.

Все приободрились, хотя холод давал о себе знать и каждый из друзей мечтал о костре.

Пробираясь через завалы каменных глыб, свалившихся с потолка, Егор вдруг понял коварство подземного хода, выразив вполне обоснованное опасение:

– А ведь эта пещера может оказаться ловушкой. Что, если поднимется вода и затопит ход?

– Я думаю, что это не произойдет так быстро, и спелеологи успеют выбраться, – отвечал Фемистокл, добавив: – Хотя надо быть всегда настороже и помнить, что пещеры всегда таят непредвиденные опасности.

Вся операция с проникновением в кладовую чудес заняла не более часа и прошла без заминок и происшествий. Вскоре они очутились в довольно обширном каменном зале, хотя и пыльном, но с почти ровным полом и высоким потолком. Черные каменные стены, будто заглаженные, и такой же потолок, сложенный монолитными скалами. Ручей, до сих пор неотступно сопровождавший путешественников, журча, скрывался в небольшой воронке в дальнем конце этой подземной камеры.

Увидев это, все стали натягивать на себя одежду, а Егор сказал:

– Жаль, не прихватил с собой ватник. В следующий раз обязательно возьму.

Ничего особенного путники не увидели, лишь вдали чуть проглядывала груда камней в виде пирамиды.

Осмотревшись, Агафон спросил:

– Ну и где же богатства вашей кладовки? Пока ничего не видно.

– Тут, тут сокровища, никуда они не делись, – отвечал Фемистокл, – сейчас покажу.

Они прошли с десятков метров и остановились возле той самой кучи, сложенной вперемешку из обломков камней и земли, среди которых кое-где виднелись белевшие кости.

Егор и Гоша разочарованно глядели на этот хлам, так как ожидали увидеть совсем другое.

– Вы не думайте, что здесь останки баранов и лошадей ближайшего колхоза, – заметив равнодушие и недоумение ребят, сказал Фемистокл, – тут все древнее, поверьте мне. Возможно, времен мамонтов и шерстистых носорогов, хотя, признаться, останков их я не находил. Все больше лошади-гиппарионы, бизоны, олени. Я смотрю на вас, ребята, вы, конечно, надеялись увидеть мумии пещерных людей?

– Мумии не мумии, но это скорее кладбище, чем сокровищница, – заметил Егор, – куча останков неведомых зверей, невесть как здесь оказавшихся.

– Выходит, что так, – согласился Фемистокл, – кладбище животных, погибших в результате несчастного случая. Тут, если покопаться, много интересного можно узнать, – продолжал он. – Это как хранилище древностей, животных, обитавших в наших краях тысячи лет назад. Словом, музей в природе.

– Да, на таких останках и вся наука палеонтология построена, – поддержал Роман. – Кости, скелеты. А что еще может сохраниться за тысячелетия? Костей мамонтов и носорогов мы насмотрелись на РОРе в Зырянске, – вспомнил он. – Значит, и здесь похожая фауна. Выходит, все они провалились в какую-то дыру с поверхности? Что, там была западня, ловушка?

– Насчет мамонтов и носорогов утверждать не могу, – сказал Фома. – Все животные, что здесь есть, провалились с поверхности через промоину на земле, а для гигантов воронка, видимо, была мала. Скорее всего, это была небольшая естественная щель-промоина. Такой ход вряд ли мог выкопать древний человек, но, возможно, он пользовался им как ловушкой.

– А где эта воронка-западня на поверхности? Вы видели ее?

– В том-то и дело, что не видел и не нашел, хотя пытался найти, – отвечал Фома. – Она непостижимым образом исчезла, а если бы была, охотники бы ее знали.

При этих словах все подняли головы и, вытянув вверх свечки, стали разглядывать потолок, где, действительно, угадывалась воронка и свод поднимался ввысь. Однако слабый свет терялся в непроницаемом мраке подземелья, едва выхватывая из черной тьмы ближайшие выступы скальной породы.

Никакого света не проглядывалось, на что Фемистокл сказал:

– И не увидите, видимо, эта промоина давно завалилась. Закрылась, так сказать.

– Интересно бы поискать этот коварный провал на горе, – заметил Егор.

А Агафон добавил:

– И порыться в этом ворохе, груде костей, свалившихся бог знает сколько тысяч лет назад.

На что Роман с неудовольствием заметил:

– Тебе бы только самовольничать. Зачем тебе эти останки, если ты в них не разбираешься? Сходи на РОР, там тебе покажут и мамонта, и носорога. Жаль, Степа здесь не побывал.

Фемистокл промолчал, и всем было ясно, что он такого же мнения, как и Роман.

Но в это время Агафон взволнованным голосом вдруг воскликнул:

– Смотрите, что я нашел! Похоже на человеческий череп, только почему-то очень маленький.

Фома молча и с явной неохотой подошел к нему:

– Да, есть тут и человеческие останки. Я два черепа находил, думаю, они детские. Лучше не будем их трогать. Я специально их прикрываю землей, пусть покоятся с богом.

– Трилобиты! – выпалил Агафон. – Пещерные люди!

– Да не трилобиты, а троглодиты, дурья голова! – грубовато оборвал его Роман. – И вообще, мне не нравится, когда неуважительно говорят о древних людях. Трилобиты – это древние морские существа, что-то вроде ракообразных.

Все промолчали, хотя мучительный вопрос возник сразу: откуда здесь взялись человеческие останки и что это было – преступление или несчастный случай? Роман же вспомнил слова алтайца: «Эрлик кушает людей». Не было ли это следами древних жертвоприношений, через которые в далеком прошлом в своих верованиях прошли многие народы? Если это так, то кучу останков можно назвать пирамидой жертвоприношений. Кто-то погиб в результате несчастного случая, провалился в дыру на поверхности, кого-то принесли в жертву. Возможно, не только животных.

Что за профессия – маркшейдер?

Быть в роли хранителей тайны чудской копи пришлось по душе мальчишкам. От всего этого веяло романтикой, чем-то сродни приключениям искателей сокровищ, пиратов, мореплавателей и первопроходцев – открывателей новых земель. А еще вдохновлял пример Робинзона Крузо, сумевшего обжить необитаемый остров и даже приготовить его к защите от враждебных пришельцев. Роман хорошо осознал, что тайну открытого ими месторождения и подземного города сохранить все равно не удастся, но пока они вместе с Фомой были единственными хозяевами и чудского рудника, и всех галерей пещеры, называемых ими Подземным городом. А раз так, то они должны иметь план с расположением галерей, и для этого было решено пригласить маркшейдера РОРа Станислава. «Станислав свой человек, хотя и старше нас, но мальчишеского задора у него не меньше, – рассуждал Роман. – А уж романтики в голове, может, и побольше. Нашу тайну он не выдаст».

Подъехав на лесовозах до Масляхи, утром одного из июльских дней ватага подхозовских искателей приключений вместе со Станиславом пробиралась к входу в Подземный город.

– Ого, похоже, здесь будет второй Зыряновск, – осмотрев рудные выходы в штольне, сказал Станислав, на глаз прикинув размер рудной залежи. – Поздравляю с большим открытием. Хоть я и не геолог, но судя по всему, запасы руды здесь не меньше, чем на Зыряновском месторождении. Вас теперь надо называть не бухтарминскими кладоискателями, а зыряновскими рудознатцами. Так что рядом с вами построят город с населением в сто тысяч человек, не меньше. Вы же знаете, что собираются разрабатывать железорудное месторождение на Чемчедае? Удобно и компактно: один город и два крупных месторождения. Места для города хватит, он как раз займет всю Столбоушинскую долину. Проложат железную дорогу, будут капитальные мосты через Бухтарму и Хамир, придет цивилизация. Радуйтесь.

– Нам бы лучше без нее, – робко возразил Агафон, – без цивилизации. Какая уж тут радость, если загубят тайгу. А мосты, конечно бы, хорошо.

Дойдя до провала, Станислав опять удивился:

– Вот оно что! Геологам это будет интересно. Тут я вижу контакт магматических пород и осадочных. В известняках месторождения не ищите, здесь его не будет. Все металлы рождает магма. Граниты, кварц – спутники рудных минералов. Расплавленная магма прорывается из земных недр, по разломам и трещинам поднимаются раскаленные растворы и газы, несущие металлы. Так образуются скопления рудных минералов. И возникает вопрос: не к контакту ли разных пород приурочено это месторождение? И железорудный Чемчедай не случайно тут рядом. Знаете, что я еще вспомнил? Одно интересное сообщение, сделанное искателями цветных камней еще в восемнадцатом веке, что в верховьях Хамира они находили топазы.

– Это же драгоценный камень! – загорелся Агафон.

– Да, конечно. Это одна из забытых загадок нашего края.

– Сплошные сокровища и загадки, – заметил Роман. – Странно получается, что двести лет тому назад геологи работали лучше, чем сейчас.

– Нет, не думаю, – отвечал Станислав. – Это легко объяснить. Как известно, Екатерина Великая была большой любительницей цветных камней. При ней были построены три гранильных фабрики по изготовлению изделий из цветного камня, в том числе на Алтае, недалеко от нас Кольванская шлифовальная фабрика. Ее работники рыскали по окрестным горам в поисках подходящего каменного материала. Копались и здесь, а в Риддере, например, нашли очень интересную яшму. Многие изделия этой фабрики хранятся в Эрмитаже и являются гордостью этого музея, так как ничего подобного нигде в мире больше нет.

– Станислав, а что это за маркшейдерская история, что вы вычитали из книжки? – спросил Егор. – Расскажите, чтобы нам была понятнее ваша профессия.

– Да, эту историю я прочитал в рассказе Бориса Житкова, был когда-то такой хороший детский писатель. Есть у него рассказ про неких кавказцев, задумавших ограбить банк. Они придумали хитрый план с подкопом под кладовую с деньгами. Для этого они арендовали домик неподалеку от банка и занялись якобы выпечкой хлеба.

– Организовали пекарню, – подсказал Агафон.

– Совершенно верно. Рассказ так и называется – «Пекарня», хотя правильнее было бы его назвать «Подкоп» или «Грабеж банка». Вроде бы пекут лепешки, а сами копают подземный ход под здание банка. Землю тайком вывозят по ночам. Но, как вы понимаете, не так-то просто попасть точно под комнату, где лежат деньги.

– А ведь верно, я как-то об этом не подумал, – признался Егор, – как это проложить подкоп в нужное место? Под землей же ничего не видно.

– Вот-вот, это только крот знает, как подвести свой подземный ход точно под головку чеснока в земле, чтобы его съесть, – сказал Станислав. – А находит он нужный путь, видимо, по запаху чеснока, который любит. Я так думаю, а может, и как-то по-другому.

– Да, а как же маркшейдер?

– А маркшейдер работает с помощью специальных инструментов, предварительно вычислив координаты. Координаты – это точное положение на местности. А зная координаты, можно и под землей вести ход.

– Ну да, это уже не вслепую. Да, а как же эти кавказцы?

– А те кавказцы, как вы, наверное, поняли, были бандитами. Сейчас бы сказали – мафия или ОПГ – организованная преступная группа. И очень им нужны были деньги, а правильно вести подкоп они не умели. Тогда они нашли знающего человека, заперли его и говорят: подведешь под банк – озолотим, не подведешь – секир башка. И вот знающий человек, имея план или карту, где был нарисован банк, стал направлять под него подземный ход с помощью компаса и рулетки. Там он чуть не ошибся, но вовремя догадался, в чем дело: трамвайный путь отклонял стрелку компаса.

– А у нас стрелку отклоняет железорудное месторождение, что на Холзуне, – вмешался Роман, – стрелка у компаса вертится и не всегда верно показывает направление на север, а потому без теодолита не обойтись.

– Да, а как же те разбойники, докопались они до банка?

– Докопались. Попали под самую кладовую, взломали потолок и вытащили все мешки с деньгами. А суть рассказа состояла в том, что это были не разбойники, а революционеры, по заданию партии добывающие деньги для революционной работы.

– Выходит, они правильно все делали и совсем молодцы?

– Революция состоялась, вот и судите сами, правильно или нет. Между прочим, у меня возникла догадка: не о Джугашвили ли в рассказе идет речь? Как известно, у революционеров был лозунг: «Грабь награбленное». Нужны были деньги для совершения революции.

– Джугашвили – это Сталин? – робко спросил Агафон.

– Совершенно верно. Сосо Джугашвили – это Сталин, которого вы знаете как «отца народов».

– А мне вот что непонятно, – не унимался Агафон, – вот вы, Станислав, называете профессии: геодезист, топограф, маркшейдер, а чем они отличаются между собой? Я так понимаю, что они все рисуют карты, а в чем их разница?

– Хороший вопрос, хорошо мыслишь, – похвалил Станислав. – Постараюсь объяснить очень кратко. Как ты знаешь, земля – это шар, точнее, эллипсоид. А карта изображает землю на плоском листе бумаги. Для небольшого участка это нормально, а если взять большую территорию, то это уже проблема – развернуть сферу в плоскость. Вот тебе и разница: в первом случае план или карту составляет топограф, принимая местность за плоскость, а во втором случае требуются сложные вычисления, и ими занимаются геодезисты. Короче, топография – это простейшая геодезия. А что касается маркшейдера, то это топограф-геодезист в приложении к горному делу, то есть он составляет карты подземных выработок, чем мы сейчас и собираемся заниматься. Но мы, кажется, заговорились, а время не ждет, работы много.

– Да, да, – поддержал Роман, – командуй, что делать. Три дня в нашем распоряжении, надо уложиться за это время. Как, сможем?

– Штольно заснимем без проблем, направления ответвлений пещеры засечем, а вот с вашей «кладовой чудес» придется повозиться. Узкий ход, теснота, работать неудобно.

– В подкопе-то, наверное, еще теснее было, – полушутливо заметил Роман.

– Вот-вот, поработаем, как те контрабандисты. Где ползком, а где и на карачках. С теодолитом это стократно сложнее; даже установить на штативе проблема, не говоря уже об освещении и измерении длин.

Так все и вышло. Когда закончили съемку основной галереи, Егор с Агафоном готовы были этим и ограничиться, но Роман настоял: нет, камеру мумий нельзя оставить без координат. Что-то говорило ему о важности этой части подземелья. В узком и полном воды сифоне провозились целый день, но работу сообща сделали, поставив точку на макушке насыпного кургана в кладовой чудес.

Собака Баскервилей

Все это время жили, а вернее, ночевали в своем лагере под кедром. Степана опять с ними не было. По словам Марфы Михайловны, Степан «взялся за ум», сидел, усиленно штудировал математику и физику, готовясь к вступительным экзаменам. Понимая его, Роман не докучал ему и, чтобы не расстраивать учебный пыл брата, даже мало делился с ним новостями из Подземного города.

Погода стояла отменная, сухая, с утренней прохладой и знойными днями, но исследователи подземелья этого не замечали, с утра до вечера все помогали Станиславу производить съемку пещеры.

Утром второго дня во время завтрака Егор сказал, разжевывая черствый хлеб:

– Пацаны, что я ночью видел, не поверите. Вроде кто меня толкнул, проснулся и слышу, ходит кто-то круг палатки. Шуршит и сучками потрескивает. Думаю: медведь, не медведь, шаги, однако, полегче.

– А у тебя и душа в пятки, – вставил Агафон.

– Погоди, дай досказать, – вовсе не обиделся Егор. – Я в окошко глянул, а там темень, только силуэты деревьев, да небо еле светится. И этот кто-то шуршать перестал, а потом шашь! – метнулся в сторону, и будто никого и не было.

– Бывает, – вставая, сказал Агафон, – в лесу кого только нет. «Там чудеса, там леший бродит».

– Ты что, не веришь?

И Роман тоже:

– Лиса это, больше некому. Обычное дело. Это по ее части, Патрикеевны, шастать, глядеть, чего бы стибрить, да брошенную посуду вылизывать.

Егор не согласился:

– Не-е, этот полохматей, покрупнее будет. Оно, хоть и темно, но массивность я почувял. А вы, Станислав, что думаете на этот счет?

– Думаю, что продукты надо бы на всякий случай спрятать.

Так и сделали, мешок с продуктами подняли, укрепив в развилке на тополе повыше человеческого роста.

И опять была ночь, когда стемнело после долгого дня, наполненного событиями, открытиями и удивлениями. Тайга, древние тополя, будто лошадиными копытами облепленные древесными грибами, обвешенные плетями лишайников и хмеля, – все слилось в одну темную, с рваными верхами стену. Конец июля – время, когда птицы отпелись и, усталые, смолкли до следующего лета. Есть ли кто в лесу сейчас, или все живое спит беспробудным сном? Да, жизнь тайно, скрытно, крадучись продолжается, идет исподтишка, втихомолку, а то вдруг громко заявит о себе. Невдалеке мерно плещется Хамир, играя бликами отраженного месяца, шелестит листва на древних тополях. Сова-сплюшка все баюкает «сплю, сплю».

и невдомек ей, что утомленные рудознаты и без того крепко спят под пологом брезента-палатки.

Ночь перевалила на вторую половину, все мирно, глухо, и вдруг Егоркин вскрик, негромкий, но резкий, всех поднял.

– Егорка, ты что?

– Ох, пацаны, напужался, страсть!

– Опять с перепугу что причудилось? – сказал Агафон, как всегда, с некоторой насмешкой.

– Ага, ты бы видел!

– Ха-ха, черта драного, в темноте-то!

– Глаза явственно различил, хоть и ночью. Светились синими огоньками.

Жуть.

– Ну, валяй, чего там?!

– А вот чего. Сплю и вижу во сне змею. Гадость такая! Шевелится противно, шипит, а потом как кинется, и прямо в лицо. Меня будто током ударило. Вскочил ошарашенный: никакой змеи нет, но чую, будто стоит кто рядом. Жутко, а мне прямо невольно: кто там? Полог откинул, а там, не поверите: морда, страшней не придумаешь. Уставилась на меня, глаза горят, у меня и волосы на голове зашевелились. А харя эта ужасная была – и нету. Растворилась, исчезла, пропала.

– Ну и дела, кто ж это был?!

– Зверюга какая-то жуткая, но я не понял, кто это был.

– Ты же охотник!

– Вот охотник, а такое чудище не припомню.

– Так «оно» большое или какое?

– Не большое и не маленькое – среднее. С собаку будет, и глаза больно страховитые, так и сверлят.

– Как это ты в темноте глаза разглядел? – спросил Роман то ли с участием, то ли с недоверием.

– На костре угля еще не догорели, буркалы от них и светились.

– Тебя послушаешь, так страшней собаки Баскервилей, – сказал Роман с явной усмешкой.

– А что это за штука, Баскервилей? – спросил Гоша, и Рома понял, что ни он, ни Егор не читали эти рассказы про знаменитых сыщиков.

– Это в Англии была такая большущая собака, специально приученная пугать людей. Все делалось тайком, чтобы никто не мог догадаться, чья это работа. Представляете: ночью выскакивает чудовище – из пасти пламя, глаза искры мечут, по морде и загривку вьется огонь.

– Как это и для чего? – не понял Егор.

– Естественно, чтобы грабить. Люди от страха падали в обморок, а то и вовсе кондрашка хватала, разрыв сердца. А шерсть ее фосфором натирала, чтобы ночью светилась... Видел я похожую псину, – вставил Роман, – на вокзале Томска. Настоящее чудовище. И грива у нее, как у льва, называется «мастиф». Очень древняя собачья порода, хотя, возможно, не такие уж они и злые, эти мастифы.

– Нет, это вы рассказываете про иностранные страшилки, – не согласился Егор, – меня, я думаю, пугала своя, здешняя зверюга. Такая, что мурашки по спине от этого лесного оборотня.

– С чего это ты взял, что оборотень?

– Взгляд больно жуткий. Пронзительный, как бывает у шибко рассерженного человека, глазами так и сверлит.

– Собака это была, хоть и не Баскервилей, а обычная бродяжка.

– Откуда бы ей взяться?

– Как откуда, из Масляхи прибежала по нашим же следам.

– Собака или не собака, а вот и правда, вроде как воет, – вдруг встревожился Агафон.

При этих словах все приподнялись, вслушиваясь в ставшую тревожной темноту ночи. Роман привстал и откинул полог. Было тихо, но резкий порыв ветра заставил всех вздрогнуть. Казалось, невидимая сила вторглась в беззвучную тишину, и тут же черная, мохнатая тень перечеркнула небо.

– Неясыть, – коротко сказал Роман, – мы спим, а жизнь идет, и слава богу. Вот сова охотится за кем-то. Мотыльки летают, кузнечик поет.

Эти слова Романа внесли какое-то успокоение, все зашевелились, заговорили, но Егор снова всех оборвал:

– Тихо, тихо, слушайте, кажется, действительно кто-то воет.

Все прислушались. И верно, вдали раздавалось глухое завывание, с перерывами, слегка напоминающее плач.

– Вот чудеса, – прервал молчание Роман, – я был уверен, что к Гоше в гости приходил тот самый медвежонок, что бегал с мамашей в прошлую осень, а выходит, что это не он. Медведи-то не воют.

– Загадка. Говорят, шакалий вой напоминает детский плач. Но у нас-то их нет.

– Что говорят, я сам слышал этот шакалий плач, – отозвался Станислав, до сих пор молчавший. – На Сыр-Дарье, в тугаях этих шакалов много. Кому-то он не нравится, этот вой, а я слушал с удовольствием. Все-таки голоса дикой природы. Слушаешь по ночам и представляешь себя где-нибудь в Африке.

– А я вот вспомнил, – опять заговорил Роман, – что у шакалов есть привычка целовать спящих туристов и охотников. Спит человек в лесу на открытом воздухе, а этот шакалишка, которого все не любят, подкрадется и лизнет в щеку, а для чего он это делает – никто не знает, даже ученые.

– Вот еще гадость, лучше без таких поцелуев, – отозвался Агафон. – Говорят, эти шакалы противные.

– Да, и потом эта щека, где лизнул шакал, горит, будто обожженная. А то еще хуже: бывает, африканские гиены кусают в лицо спящих людей. И такие случаи бывали не раз с опытными путешественниками.

– Ну ты, Роман, скажешь. У гиены челюсти такие, что куснет – и полголовы нет. Она же, гиена, кости перемалывает своими зубами.

– Вот страхи-то, – вырвалось у Егора. – Однако и у моей зверюги были похожие намерения. Хорошо, что мы в палатке спим, да я и не один.

И это еще не все. Утром обнаружилось, что кто-то наведывался на лабаз. Погрыз булки хлеба, порвал мешок, рассыпав макароны.

– Вот чудеса! Этак твой гость, Егорша, оставит нас голодными. Кто это может быть, кто лазит по деревьям?

– Медведь, рысь, – перечислял Егор, – ни волк, ни лиса, ни барсук на это не способны. Пожалуй, еще могут куница и дикая кошка, – подумав, добавил он.

– Это становится интересно, – подытожил Роман, собираясь в поход. – Так или иначе, но эту собаку Баскервилей надо вывести на чистую воду и разгадать ее

тайну. Видно, она бродит вокруг голодная, ищет, чем бы поживиться. Нынче ночью устроим засаду. Не может такого быть, чтобы эта невидимка себя не выдала.

И опять была ночь, волшебная летняя ночь в тайге, полная таинственных шорохов, скрипов и вскриков неведомых птиц и существ, среди которых Роман мог различать скрипучие трели козодоя, «мяуканье» мохноногих сычей, хорканье запоздалых вальдшнепов и хриплые вскрики ушастой совы. Товарищи мирно спали, а Роман бодрствовал, вслушиваясь в ночь. Шел третий час ночи, когда зашуршала трава под чуткими шагами ночного невидимки. Роман осторожно отодвинул брезентовый полог. Только что двигавшаяся среди деревьев темная тень замерла, надеясь остаться невидимой, но луч света от фонаря осветил ее с головы до ног.

Лохматый черный зверь с пушистым, хотя и не слишком длинным хвостом стоял перед человеком. Светлая полоса шла по шерсти с головы через все тело. Злобное выражение морды с маленькими недобрыми глазами действительно могли напугать.

«Росомаха! – мысленно удивленно воскликнул Роман. – Как же мы до сих пор не вспомнили про эту хитрую бестию!» Но и немудрено забыть про эту невидимку северных мест, редкую там и, тем более, в казахстанском Алтае.

Пленники подземелья

Из подземной экспедиции со съемкой пещерных галерей и кладовой чудес Роман вернулся не очень словоохотливый – не хотел расстраивать Степана.

А Степе, конечно, не терпелось узнать новости. Когда сам не бывал, все кажется во сто крат привлекательнее и интереснее, чем на самом деле.

– Ну, и что там, Рома, клад подземный? Небось, динозавра откопали?

– Держи карман шире, кучу хлама. И ту не трогали, хотя проглядывает там кое-что занимательное. Кости, рога, черепа.

– Рога? Чьи?

– Оленя, есть козлиные. Есть мумии.

– А скелеты?

– Всем мерещатся скелеты. Есть разрозненные кости, в том числе и человеческие. Мумии, понимаешь, в основном мумии мелких зверьков.

Слушая Романа, Степа несколько раз восклицал:

– Эх, не было меня там! Как это у вас хватило терпения не порыться в отложениях веков! Я бы не удержался, но обязательно доберусь.

– Смотри, не обдери колени и локти, – в ответ на это бросил Роман. – Без прожатога один не суйся. Лаз этот потайной, не зная, не найдешь.

– Я с Егором договорился, он же охотник, следопыт.

– Лучше бы с Фемистоклом...

– Мы как-нибудь сами. На каждого Фемистокла не напасешься. Он один, а нас четверо, тем более он не мальчишка, чтобы везде с нами лазить.

– Ну, смотри сам.

Егор же на правах старожилы поучал Степана:

– Главное, надо взять теплые вещи, я, например, прихватчу отцовский ватник. Да не забудь клеенку, чтобы одежду завернуть, уберечь от сырости. Лезть будем по сплошной воде, не хуже лягуш. Лаз там узкий и тесный, что твоя волчья нора.

– Это меня не пугает. Раз вы прошли, я что, хуже?

Когда же промокшие, запыхавшиеся от тяжелого лазания, оба, стуча зубами, выбрались в заветный зал, Степа заговорил по-другому:

– Вот ты, Егор, и уморил! Надо же так карабкаться, ползти на карачках. Завел не лучше, чем Сусанин поляков. Какая там волчья нора! Эта дыра хуже барсучьей!

– Ты же сам напросился! Вот и делай человеку добро.

– Ну, хорошо, хорошо. Быстро переодеваемся, и в путь!

Два десятка шагов – и перед путниками предстала картина таинственной камеры, хранительницы музейных экспонатов. Степан не спеша обошел наваленную грудку из камней, земли и останков животных, перемешанных с полусгнившими сучьями и ветвями деревьев. Она не произвела особого на него впечатления, хотя он долго и внимательно разглядывал высохшие мумии и бранные останки козлов и баранов, среди которых выделялись оленьи рога.

– Явно северный олень, – высказал предположение Степа, – а ведь сейчас его здесь нет. Впрочем, что это я, теперь здесь многие не живут из той эпохи. Скорее наоборот, северный олень как раз сохранился в отличие от мамонтов, шерстистых носорогов и пещерных медведей. Самое слабое звено в цепочке животных того времени, а выжил, так же, как и человек. Егор, может, ковырнем? Я вижу, тут проглядывают человеческие останки. Впрочем, нет. Здесь можно подцепить какую-нибудь опасную инфекцию. Сплошная мертвечина. Ты слышишь, как подванивает? Говорят, бактерии чумы живут тысячи лет.

– Не дай бог, Степа. Лучше не говори мне такие вещи.

– Могильный холм, – наконец изрек Степан, отряхивая руки, хотя и не призрагивался ни к чему из содержимого холма.

Егор все время терпеливо ждал, и видно было, что это ему надоело.

– Степа, тебе не кажется, что ручей стал громче шуметь? Как бы воды не прибавилось. Закупорит нас вода, что тогда? Надо бы уходить.

– С чего ты взял, на улице жара и сушь. Хамир обмелел. Давай-ка лучше пообедаем. И лучше подальше от этого могильника.

Разложив свои бутерброды, они расположились в стороне от могильного холма, как назвал курган Степа. Не спеша перекусили, запивая холодным чаем из бутылок.

– Заметь, Егорша, здесь не так уж чтобы холодно. Даже комфортно. Там, «на гора», жара так надоела!

– Угу, но все-таки отсюда лучше бы побыстрее уйти.

– Сначала осмотрим стены, вдруг да тут картинная галерея обнаружится.

– Степа, мы уже здесь пять часов, пора домой. Вода закроет выход, вот будем кукарекать!

– Ну, вот еще! Лезли, карабкались, не осмотрелись и уже уходить. Здесь должны быть настенные рисунки. Пока все не осмотрю, не тронусь. Это же ритуальный зал. Куда ты торопишься? Вряд ли мы еще когда-нибудь сюда попадем.

С горящими свечами оба двинулись осматривать стены, и на это ушло не меньше двух часов. Степа делал это неторопливо, внимательно высвечивая каждый темный натек от воды, каждую трещинку, которых было немало. Егор же делал это механически, лишь не желая заслужить упрек товарища. И все время с тревогой прислушивался к шуму ручья.

– Степа, пойду взгляну, что там с водой. Не замуровала бы нас она.

– Вот заладил: закупорит, замурует. У тебя явная клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства. Что ты торопишься? У нас в запасе еще три часа, а в случае чего Рома и подождать может.

Степа, не торопясь, продолжал осматривать стены камеры, занимающей довольно большую площадь, пытался осматривать и потолок, где это было возможно.

– Да, похоже, здесь не Альтамира и не Третьяковка, – наконец с сожалением сказал он. – Никаких следов древних художников не просматривается. Всё, Егор, твоя взяла, уходим.

Они упаковали одежду, взвалив себе на плечи, и тронулись в обратный путь. Да, вода прибыла; где было по щиколотку, теперь шуровала выше колен, так что требовались усилия, чтобы устоять.

– Степа, беда! В озере, в этом чертовом сифоне, будет с головой.

– Не паникуй раньше времени, выплывем.

Однако надежды Степана не оправдались. Вода заполнила все пространство до кровли галереи, не оставив воздушного пространства под кровлей.

– Вот так штука, Егор, это ты накаркал! Поднимется, закупорит, а она и действительно нас заперла на замок. Да, неважное наше дело. Разве что поднырнуть? Так ведь не проплыть, тут больше пятидесяти метров. В темноте-то, шаря руками стенки!

– Что же нам делать? Говорил же я тебе! – в отчаянии произнес Егор.

– Что делать, что делать! Вот заныл, а еще таежный охотник. Ждать надо. Ты свечки береги на всякий случай.

– А жрать что? Я уже сейчас голодный.

– Будто я сытый.

Переспав ночь, утром, а потом весь день пленники подземелья ходили проверять ручей, превратившийся в поток. Но он был по-прежнему силен, и нечего было и думать его преодолеть.

– Степа, мы уже сидим сутки, и никакого просвета. Вода не убывает, что делать?

– Сам знаешь. Ждать, только ждать. Вода обязательно спадет. Надо набраться терпения.

– Терпения, терпения! Терпением сыт не будешь. «Сидеть у моря, ждать погоды». Подохнем здесь и будем экспонатами, как эти мумии, что лежат в куче.

– Ты что, Егор? Не ожидал я от тебя истерик, ты давай кончай паниковать. Ну виноват я, ну что теперь, убивать меня? И что теперь об этом долдонить? Слезами делу не поможешь. Нас наверняка будут спасать. Роман что-нибудь придумает, Фома подскажет.

– Придумает, подскажет! Что они, водолазы, чтобы сквозь воду пройти? И даже если проберутся к нам, мы-то как через сифон пройдем? Пропасть, может, и не пропадем, но сейчас больно жрать хочется, – не переставая печалился Егор.

Мучительно долго тянулось время в полной темноте. Холод их особенно не донимал, но голод давал о себе знать, не затухая ни на минуту. Они спали, просыпались от мучавшего голода и снова засыпали, лишь время от времени вставая, чтобы проверить мощность водяного потока. Жажды не было, вода была рядом, а о еде Степан запретил говорить, чтобы не вызывать спазмы в

животе. Они потеряли представление о времени суток, все это пещерное заточение было для них нескончаемой ночью. Егор плакался Степану, что уже не понимает, спит он или бодрствует. Это было странное оцепенение, похожее на галлюцинацию.

А что Роман с Агафоном? Прождав до контрольного срока, они ринулись в галерею и с ужасом убедились, что вода подпирает потолок.

Вода! Откуда она взялась? И тут Роман вспомнил про горные потоки, набирающие силу к концу дня. Утром это ручеек, который играючи человек может перейти вброд, а вечером это бушующий водопад, под натиском которого не устоит и лошадь. Установилась жара, и снежники на белках Холзуна начали усиленно таять. «Значит, не все так страшно, – подумал Роман, – придет утро, и вода спадет». Но утро пришло, вода чуть убавилась, но по-прежнему подпирала потолок в «сифоне». Это было уже опасно. Роман с Агафоном прождали еще сутки, но ничего не изменилось. Жара зашкаливала за тридцать градусов, и подземный ручей продолжал бесчинствовать. Надо было предпринимать меры, организовывать спасательную экспедицию. Особые меры, но какие? Водолазов нет даже в Зырянске, но есть горноспасатели. Может, они найдут выход? Люди! Без помощи людей не обойтись. В любом случае надо ставить в известность сельсовет. Вызывать Фемистокла. Фемистокл – голова! Не может быть, чтобы он что-нибудь не придумал...

Вход в преисподнюю

Ни Марфа, ни Петр Иванович не подозревали о настоящем масштабе найденной их сыновьями чудской копи.

Петр Иванович добродушно подшучивал:

– Ну, как ваша закопушка поживает? Чудака не обнаружили? Я где-то читал, что в старинной шахте когда-то давно нашли древнего рудокопа, цепью прикованного к забою, и с мешочком золота при нем.

Совсем по-другому была настроена Марфа. Женское сердце и чутье подсказывало ей, что все не так просто и во всей этой затее может таиться опасность. Но разве удержать матери почти взрослых сыновей, у которых уже пробиваются усы!

И вот как гром среди ясного неба: Степа заблокирован в какой-то пещере, и это очень опасно!

– Вот горяшко-то откуда пришло! – запричитала Марфа. – И ведь чуяло мое сердце, что беда в этой растреклятой шахте! И ты, старый, все потакал: романтика, закопушка, свинойрой. Вот тебе и свинойрой!

Петр Иванович молча тут же собрался и через какие-то полчаса телега Деметьевых, запряженная Карькой, вместе с Романом выезжала со двора. В тот же день в Столбоуху прибыла команда горноспасателей Зырянского свинцового комбината в составе четырех бойцов со всем снаряжением. К вечеру были все на месте и, спустившись в пещеру, убедились, что вода по-прежнему запирает выход. Вместе со всеми был здесь и Фома, предупрежденный запиской, чему больше всех был рад Роман.

– Есть ли еще другие входы или пути в эту камеру? – спросил Афанасий, командир взвода горноспасателей.

– Нет, отсюда только один выход, тот же, что и вход, – ответил Фемистокл с несколько виноватым видом, – поэтому и упавшие сюда крупные животные, как олени или бизон, выбраться отсюда не могли, даже если бы они оставались живыми после падения.

– Вы сказали, после падения, – в задумчивости произнес Афанасий, – значит, на поверхности был вход. Воронка, дыра, провал, служивший западней?

– Да, как западня, я думаю, естественного происхождения.

– А может, и неестественного, а специально проложенного, чтобы охотиться?

– Наверяд ли, туши провалившихся зверей оставались на месте. По крайней мере, часть из них. Троглодиты утащили бы их и съели. Пища у всегда голодных людей была дороже золота.

– Золото голодному человеку не нужно, – подтвердил Петр Иванович, до сих пор молча прислушивающийся к разговору.

– Загадочная история, – подтвердил Афанасий, – но она может стать выходом из нашей аварийной ситуации. Надо найти этот вертикальный вход.

– Я об этом сразу подумал, – сказал Фемистокл, – но его никто не видел и не знает, где он, этот вход или западня.

– Эврика! – вдруг воскликнул Роман, до сих пор молчавший в глубоком раздумьи. – Я знаю, кто и как его найдет! Да, да, да! – воскликнул он в возбуждении. – И как это сразу не пришло мне в голову?!

– Кто? – враз встрепенулись Петр Иванович и Афанасий.

– Станислав! Он же делал съемку подземного лабиринта, значит, может показать, где эта воронка на поверхности. У нас есть план, карта, надо срочно его вызывать, и чтобы он прихватил свои инструменты.

– Да, это выход, – согласились все. – Нельзя терять ни минуты и быстрее действовать.

Тут же по радиации запросили Столбоуху, а оттуда по телефону подняли на ноги начальство комбината и РОРа.

К утру Станислав был на месте вместе со своим помощником-речником.

– Что тут у вас произошло? Меня подняли ночью с постели. До рассвета гнали по темноте, как только «козлик» выдержал такую тряску...

Роман коротко рассказал обстановку. Все остальные с надеждой взирали на Станислава, удивлению которого не было границ.

– План подземелья здесь? – первое, что спросил он.

– Да, вот он, – отвечал Роман, разворачивая бумагу.

– Это уже хорошо, – сказал Станислав, – тогда можно попробовать. Правда, в лесу, да еще с такой травяной растительностью, проложить теодолитный ход будет непросто, – добавил он. – Мне нужны помощники, а может быть, даже лесорубы.

Какое-то время он колдовал над картой, делаясь мыслями с Романом, служившим ему помощником и советчиком.

– Опорных геодезических пунктов здесь нет, съемку я сделал в условной системе координат. Но это не беда, проблема в здешних бурьянах и тайге. Очень плохо с видимостью, придется искать прогалины в лесу, а это удлинит ход, – и, как бы делаясь с самим собой, добавил: – У меня нет другого выхода, как все делать графически, а это может сказаться на качестве работы.

– В чем заключается это качество? – спросил Петр Иванович.

– В точности. В правильности определения местонахождения искомого, – несколько витиевато отвечал Станислав, – ну и, конечно, в скорости работы. В данном случае графически можно все сделать гораздо быстрее.

Все с энтузиазмом принялись проминать траву, а Станислав, глядя в трубу теодолита, направлял свой ход в сторону Холзуна. К этому делу подключился даже Петр Иванович, нисколько не отставая от молодых. Фемистокл же успевал еще и следить за действиями Станислава, то и дело склонявшегося над планом.

Уже после второй станции он воскликнул:

– Станислав, я понял ваши действия. Вы измеряете углы и расстояния теодолитом, а потом переносите эти данные на бумагу с помощью транспорта и линейки, а главное, ведете ход в направлении могильного кургана.

– Да, я работаю упрощенным методом, – подтвердил Станислав, – то есть без вычислений, а если ими заниматься, то прокладка хода займет не один день.

– Но вы молодцы, что засекли могильный холм в злополучной камере.

– Да, это заслуга Романа, он настоял, хотя, признаться, мне здорово пришлось помучиться с инструментом в узком лазу.

– В нем и сейчас вся проблема, – согласился Фома.

После долгого и непростого сражения с буйной травяной растительностью, уже далеко за полдень, когда забили не меньше 20 кольшков, на 21-й стоянке Станислав сказал:

– Здесь совсем близко. 52 метра от места, где мы стоим.

Направляемый им реччик стоял на скальной гривке, сложенной плитчатыми гранитными глыбами.

– Что-то непохоже, что здесь может быть воронка, – недоверчиво проворчал Афанасий и спросил: – А какова точность ваших измерений?

– Я думаю, ошибка может быть в пределах четырех метров, от силы пяти, – отвечал Станислав. – Но не в этом дело.

– А в чем же?

– Этот провал, дыра, шахта или восстающий, как хотите, так его и называйте, может быть не вертикальным, а наклонным, то есть идти под углом. А это значит, что на поверхности воронка может оказаться чуть в стороне.

– Да, верно, – чуть не хлопнул себя по лбу Афанасий, – как я сразу об этом не догадался!

– Да, тогда вход в эту преисподнюю может отклониться и на восемь и даже на десять метров, – закончил Станислав. – Многое зависит от глубины провала. Чем она больше, тем больше может оказаться отклонение. Я думаю, глубина будет не меньше тридцати метров. Так что все это осложнит поиск воронки.

– Будем надеяться, что она сама себя покажет, – сказал стоящий рядом Петр Иванович, все это время внимательно слушавший разговор.

Поколдовав еще немного над бумагой с планом и поглядев в теодолит, Станислав крикнул речнику:

– Забивай кольшек, – и добавил всем стоявшим рядом с ним: – Я сделал все, что мог. Теперь ищите сами. Я думаю, нужны будут ломы и лопаты.

Все молча оглядывали каменистый взгорбок, окруженный редким и приземистым кедрачом, посреди которого виднелись невысокие деревца рябины. В общем, это была едва выступающая на склоне Холзуна гряда, ничем не выделяющаяся среди других. Плитчатые, выветрелые скалы из серого гранита, подушками и

матрацами лежащие на почве и одна на другой. Заросшие кустарником, частично обомшелые и шероховатые, их бока были украшены узорами розового и желтого лишайника. Серые плиты, по которым удобно ходить, лазить, на которых удобно сидеть. Приходилось лишь остерегаться засохших лишайников, скользких под ногой и служащих смазкой под башмаком. Некоторые едва проглядывали сквозь заросли густого ерника из колючего шиповника, жимолости и таволги, явно угнетенных суровым климатом высокогорья, а, скорее всего, бедной почвой тонким слоем покрывающей скальную породу. Оттого и трава всюду здесь была низкорослой, что было на руку спасателям и облегчало поиски.

– Странно, – с недоверием ворчали рабочие. – Никаких ни следов, ни признаков ни провала, ни воронки – ничего не видать.

Все готовы были с этим согласиться, но Фемистокл деловито сбросил с себя котомку и молча стал обходить каменные глыбы, внимательно осматривая почву под ногами. Глядя на него, Роман, а затем и все остальные так же молча разбрелись по бугристой площадке. Получилось так, что все разделились на три партии. Одна – из спасателей, вторая – Романа с отцом и третья из Фемистокла и присоединившегося к нему Станислава. Однако никто не мог взять в толк, по каким признакам искать, никаких следов сообщений с подземельем нигде не просматривалось. Ни ям, ни углублений в почве, и даже рытвин не было заметно. Подозрительным было и то, что не просматривались известняки, а ведь все подземные полости образовались именно благодаря им. И хотя весь этот скалистый бугор и был не столь уж велик, закоулков и щелей между плитами намечалось сколько угодно.

– Не понимаю, – ворчал Афанасий, когда спасатели сделали первый круг обхода, – здесь хоть ноги сломай, вряд ли мы чего найдем. Была воронка, дыра – и куда она могла деться? Если ее затянуло землей, оползнем, то, во-первых, должны остаться какие-то следы, а во-вторых, тут кругом камень, скала, земли, почвы-то, считай, нет. Добро, стояли бы высокие скалы, откуда мог произойти обвал и перекрыть воронку, допустим, во время землетрясения, но ведь и скалы-то такой нет. Фома, что там у тебя, наметки какие есть?

– Под любой плитой может скрываться то, что мы ищем, – уклончиво отвечал тот. – Из всех надо выбрать наиболее подходящую.

– Можно или нет, а мне что-то в это не верится. Как это плита может перекрыть вход? Горы-то ведь здесь нет, чтобы она могла откуда-то свалиться!

Все молчали, почти бесцельно бродя по площадке, и лишь один Станислав все повторял почти механически:

– Здесь надо искать, здесь. Другого места быть не может.

Спасатели быстро прекратили поиски и стояли кучкой, в задумчивости покуривая самокрутки, и лишь Фемистокл энергично продолжал обход, разглядывая и едва ли не ощупывая каждую каменную плиту. Он заглядывал под них, отходя на шаг, что-то прикидывал и не произносил ни слова. Даже Станислав, сопровождавший его, ничего не мог понять в его действиях.

Наконец, остановившись у серой плиты, отличившейся от остальных сравнительно небольшой толщиной, Фемистокл сказал, подозревая Афанасия:

– Здесь надо попробовать.

– А что пробовать? – не понял тот.

– Как что?! Надо отодвинуть этот камень.

– Ого, да в нем не меньше полтонны, если не больше. Да и какое отношение он может иметь к воронке? Было бы откуда свалиться, разве что с вершины Холзуна прилетел этот булыжник. Так он и катиться не мог, такой плоский и угловатый. Да и где ж нам с такой каменюкой управиться!

– Тогда для чего же мы все здесь находимся? – сердито буркнул Фемистокл. – А ну-ка поднажмем!

– Раз надо, значит надо, – поддержал Фому Петр Иванович. – Наляжем все вместе, берите ломы, а мы все подсоблять будем.

Все облепили каменный монолит, благо бока его были шероховаты и держаться было удобно; трое рабочих взялись за ломы.

– Раз-два, взяли! – командовал Петр Иванович, принявший бразды руководства в свои руки.

Глыба заскрипела, каменная дресва зашуршала под ней, она явно поддалась и струнулась со своего места.

– Еще раз, еще поднажмем! – торопил Петр Иванович, но все и без команды старались изо всех сил.

– Пошевеливай, пошевеливай живей! – подбадривал Афанасий. – В бок дави, а вы, ребята, ломками нажимай, сама пойдет!

Усилием всех пятерых и с помощью ломов тяжеленную плиту постепенно сдвигали, и вдруг на глазах изумленных спасателей земля под ней начала проваливаться в черную щель, невесть откуда взявшуюся под плитой и уходящую в глубину.

– Бойся! – вдруг выкрикнул Афанасий, отскакивая в сторону. – Как бы нам самим не провалиться!

Все разбежались и без всякой команды. Обвалившийся кусок почвы обнажил воронку с монолитными скальными бортами. Но большая ее часть все еще была под плитой. С удвоенной силой все снова налегли на каменную глыбу и наконец сдвинули так, что можно было заглянуть в образовавшуюся дыру. Когда шорох обрушаемой почвы утих, все с осторожностью стали подходить к новоявленной воронке.

– Вход в Дантов ад, – прокомментировал Петр Иванович, – настоящая преисподняя.

– Но мы же только вчера в ней были, в этой преисподней, – возразил Роман, – и там впечатления Дантова ада не было.

– Не совсем в ней, а рядом, – поправил Фемистокл.

Посветили в провал фонариком.

– Ширина вполне достаточная, чтобы пролезть человеку, – с удовлетворением констатировал Афанасий. – Вполне можно спускаться. Сколько у нас веревок?

– Двенадцать больших канатов. Если связать, метров шестьдесят будет.

– Эге-гей! – вдруг что есть силы закричал он, свесившись на краю пропасти. – Есть там кто-нибудь? Отзовись!

– Нет, ничего не слышу, – объявил он. – Надо как-то удостовериться, что это вход в нужную нам полость и здесь ли ребята.

– Да, нужно быстрее, – торопил Петр Иванович.

На перекинутое через воронку бревно установили специально привезенный заранее блок.

– Веревки готовы, – рапортовал Афанасий, – сейчас будем спускать, сначала надо наладить связь. Попробуем написать записку.

И тут же раздумал:

– Нет, какая записка, там уж, видно, у них и свечи закончились. Надо замерить глубину и спустаться самим.

– На всякий случай привяжите вот – мой рюкзак, я положил кое-что из еды, – предложил Петр Иванович, – и вот еще свечи.

Связанные веревки с рюкзаком стали осторожно опускать. Слышался шорох и звуки падающих каменных обломков.

– Есть дно, – наконец сказал один из спасателей.

– Сколько веревок? – спросил Афанасий.

– Четыре и еще чуть-чуть.

– Значит, больше пятидесяти метров, – тут же подсчитали спасатели.

Роман уже готовился к спуску, нетерпеливо поглядывая на воронку и при- меряя одну из шахтерских касок.

– Нет-нет, – остановил его Афанасий. – Это наша работа, посторонние не допускаются.

– Ничего себе, посторонний! – возмутился Роман. – Там же мой брат.

– Тем более, лезть туда тебе не следует. Что там с рюкзаком?

– Никаких сигналов.

– Артем с Игорем страхуют, спускается Юрий. Да, по пути смотри внимательно и убирай заколы. Для подъема дергай веревку три раза. Все понятно? Приступайте, травите потихоньку!

Сгрудившись, все молча наблюдали за происходящим.

– Да, но кто же, как могла эта каменная глыба закрыть вход? – теперь, когда улеглись первые страсти, задал вопрос Петр Иванович. – Вы, Фемистокл, что-то знали или подозревали?

– Вы вынуждаете меня дать самый фантастический ответ, в который я и сам верю с трудом, – сказал Фемистокл, затягиваясь трубкой с едким самосадам. – Люди, – наконец сказал он, не закончив свою мысль.

– Люди? – недоверчиво переспросил Афанасий. – Вы хотите сказать, что люди перекрыли плитой воронку? Какие люди? Откуда они могли взяться в этих диких краях, да еще и в древности?

– Как откуда? А штольню кто сделал? – резонно напомнил Фома. – А может, и еще раньше жили здесь, еще до того, как прорыли штольню. Обитали же здесь древние люди.

– Так, значит, вы предполагаете, что это могли сделать пещерные люди или чужь? – переспросил Роман. – А для чего?

– Как для чего? Воронка представляла опасность, вот ее и закрыли. Я думаю, троглодиты использовали этот естественный провал как ловушку, как западню для отлова диких животных, а чужь закрыла ее, так как она уже была им не нужна и даже мешала. Могли проваливаться люди.

– Вход в преисподнюю, откуда слышны протяжные стоны и стенания, от которых волосы становятся дыбом, – процитировал Роман откуда-то вычитанную фразу. – Я как вспомню, что ребята там без еды и теплой одежды, так жуть берет. И чувство вины перед ними.

– Да, мы тут разглагольствуем, а живы ли ребята? – вздохнул Петр Иванович.

– Осталось совсем чуть-чуть, немного потерпите, – успокаивал Афанасий. – А ребятам вашим ничего не сделалось. Люди, бывает, голодают и больше, а вода у них есть.

– Насчет воды, лучше бы ее поменьше было, – продолжал сетовать Петр Иванович. – Но как вы, Фома, догадались? Десятки похожих плит, и вдруг нашли единственную, нужную.

– Очень просто. Я сразу догадался, что это сделал человек. А раз так, то каким бы он способом мог перекрыть воронку?

– Ну, сделав настил из деревьев, сверху земля.

– Ненадежно и более трудоемко. Надо валить деревья, а попробуйте это сделать тупым, примитивным топором. Пилы-то у них не было. А тут готовые плиты и есть десяток человеческих сил. Какую бы вы выбрали плиту?

– Ясно, ту, что полегче, – не задумываясь, отвечал Петр Иванович.

– Вот и я так же подумал. Выбрал потоньше, что под силу перетаскать руками семи – десяти крепких мужиков. Оказалось, что угадал. Тут уж просто повезло.

– И правда, просто, – развел руками Петр Иванович. – Уму непостижимо. Что бы мы без вас делали?

– Нужда заставит, до всего дойдете, – спокойно отвечал Фемистокл. – Древнему человеку тоже приходилось соображать, думать, чтобы выжить.

– Нет, нет, вы гений! – воскликнул Петр Иванович. – Дайте, я пожму вашу руку.

– Руку мне не жалко, но ведь мы пока еще не вызволили ваших ребят.

– Да, да, конечно, но будем надеяться на удачу. Вот и Станислава надо расцеловать. Теодолитный ход оказался верным. Станислав, дайте я вас обниму.

– Тихо, есть сигнал снизу, – объявил Афанасий. – Игорь, Артем, дело за вами, – обратился он к своим товарищам. – Действуйте предельно осторожно. Давайте и я подключусь к подъему.

Веревка цеплялась за выступы каменных стен, мелкие каменные осколки с шорохом и звоном летели вниз и осыпали поднимающегося. Минут через пятнадцать усиленного труда из воронки показалась голова в каске.

– Егор, это ты? – не скрывая волнения, воскликнул Роман.

– А вы думали, троглодит? Я собственной персоной, а кто же еще, – тихим голосом отвечал спасенный Егорша. – Вы тут греетесь на солнышке, а мы совсем замерзли и три дня не евши. Есть тут у вас что пожарть?

– А как там Степан? – с тревогой и дрожью в голосе спросил Петр Иванович.

– Степа заказал, чтобы к его выходу нажарили шашлыков. И я бы тоже не отказался.

– Должны вас разочаровать, – вставил Афанасий без тени сочувствия, – вам теперь с жидкого супчика надо начинать. После голодовки-то.

Через полчаса вызволили Степана.

– Отец, это ты? – удивленно спросил он, щурясь от яркого света и оглядываясь. – Да вас тут много, – еще более изумился он.

– Все, все, сынок, здесь по вашим с Егором персонам. Я и мать кое-как отговорил, хотела тоже сюда добираться. Наделали вы, ребята, всем хлопот.

– А какое нынче число?

- Ты еще не очухался, а спрашиваешь зачем-то число, – удивился Агафон.
- Как это зачем! Мне пятого сдавать экзамен. Я же абитуриент.
- Успеешь, сегодня только 25 июля. Месяц-то не забыл? – подал голос Роман.
- Слава богу, успею. Я же сидел там, боялся, что опоздаю на вступительные экзамены.
- Один вы уже прошли, и хорошо, что он закончился благополучно, – тихо сказал ему Фома.
- Ага, за битого двух небитых дают! – обрадовался Егор.

Расставание

Новое утро настало тихое и безмолвное, без птичьего пения и щебета, всегда смолкающего в преддверии августа. Притихшая природа как нельзя лучше гармонировала с настроением обитателей лесного лагеря. Вчерашняя праздничная атмосфера сменилась деловой обстановкой и приготовлениями к возвращению домой. Спасатели во главе с Афанасием были в приподнятом настроении, довольные окончанием работ. Наоборот, нотка грусти поселилась у искателей приключений. А тут еще прилетела иссиня-черная птица кедровка и давай оглушительно кричать на всех скрипучим, дребезжащим голосом.

– Да отвяжись ты! – сердито прикрикнул на нее Гоша, но она и не думала отставать, продолжая чему-то сердито возмущаться.

– Жадная она, боится, что будем собирать ее шишки, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Егор и добавил, невесело обращаясь к надоедливой птице: – Да не долдонь ты, шишки еще не поспели, зеленые!

Никто не откликнулся на слова Егора, не говорили и о предстоящем расставании, но у каждого в душе таилась легкая печаль разлуки. Даже Петр Иванович, который успел привязаться ко всем и особенно сошелся с Фемистоклом, все повторял, что все здесь стали ему родными. Он долго, но безуспешно уговаривал всех заглянуть к нему на пасеку в Большой Речке, чтобы отведать свежего медку, но все заторопились домой. Фома уже примерял свою котомку на плечах, готовясь отправиться к себе в Уймон, а Петр Иванович все никак не отходил от него, жалея, что надо расставаться. Тут же толпились ребята, едва ли не заглядывая ему в глаза и наперебой стараясь пожать ему руки.

– Фома, до встречи! Нас не забывай, приходи!

– Встретимся, встретимся! У меня еще есть что вам показать и рассказать.

– Да, да, мальчики с вами как за каменной стеной, – подтвердил Петр Иванович.

Афанасий долго тряс руки спасенным Степе и Егору, нечаянно обронив при этом неудачную фразу, не понравившуюся подземным сидельцам:

– Вы, ребята, бравые, но надеюсь, не будете больше делать подобных глупостей.

– Это еще какие глупости? – насупился Егор. – Это то, что мы лазили в подземную камеру? Так ведь кто-то должен был ее исследовать! Не мы, так кто-то другой.

– Верно, Егорша! – похвалил его Степан. – Дерзайте, граф, вас ждут великие дела! Как там про буревестника: безумству храбрых поем мы песню!

– Ну, допустим, храбрости там было не так уж много, – деликатно заметил Петр Иванович, – скорее, безрассудство.

– Безрассудство? – обиженный Егор не сразу подобрал слова. – А как же альпинисты лезут зачем-то на гору, путешественники открывают новые земли, рискуя жизнью?

Он замолчал, будто устыдившись смелости своей речи, а потом добавил невесело:

– А что, неужели все наши приключения закончились? Степа с Романом уезжают, нам с Гошей вдвоем, пожалуй, скучновато будет.

– Ну вот, ты уже и заперезживал, – неодобрительно отозвался Степа. – Во-первых, мы будем приезжать на каникулы, а во-вторых, с вами остается Фома, да и Станислав не откажется составить вам компанию. Что ты, Станислав, думаешь об этом?

– Я как раз думаю, не пригласить ли мне из Алма-Аты своего друга-археолога на раскопки. Он такой, что не одного чудика раскопает, а целый город древних рудокопов найдет. И придет со всеми бумагами из института археологии, так что все будет по правилам и по закону. А что касается тайн, я уверен, что они только начинаются. Тут еще много чудес откроется.

– Это было бы здорово! – обрадовался Егор. – Все забыли, что Фома еще обещал показать нам подземную мастерскую, где древние бергалы изготавливали свои каменные инструменты, молотки и зубила. Да еще мумии в камере мертвецов ждут, когда их раскопают, – вспомнил он, – эту кучу надо разворошить и изучить, что там есть.

– Тебе бы все ворошить! – возмутился Агафон. – Мало, что ли, в камере прощел? Подняли на ноги чуть ли не весь Зыряновск.

– Ребята, не ссорьтесь, – ласково сказал Петр Иванович. – Оба вы – и Егор, и Степа – молодцы, что сумели выжить, приобрели опыт, и впредь будете умнее. По себе знаю, что жизнь – непростая штука, в ней всякое бывает: и хорошее, и плохое. И хорошо то, что хорошо кончается. Вот и Станислав нам здорово помог, и ребята спасатели, и начальство в Столбоухе, и в Зыряновске. Нам все помогали, никто не отказал, за что всем спасибо.

– Да, я еще хочу сказать, – к словам отца присоединился Степан, – что мы выжили благодаря совету Егора взять с собой теплую одежду. Без нее точно дали бы дуба.

– Я же говорю, что вы вели себя достойно, – подтвердил Петр Иванович, – не какие-нибудь слабаки, а настоящие таежники.

Так в разговорах они незаметно вышли на торную дорогу, где спасателей ждал грузовик, а мирно пасшийся здесь же коняшка Дементьевых приветствовал своих хозяев радостным ржанием.

– Желающих прокатиться прошу в мою карету, – запрягая коня в телегу, шутиливо обратился Петр Иванович к своим спутникам.

И хотя места в грузовике было сколько угодно, компания друзей, не раздумывая, приняла это приглашение. Но что же, старому Карьке везти шестерых крепких седоков, да еще и по плохой дороге? Конечно, все, кроме Петра Ивановича, взгромоздившегося в бричку, шли рядом, пожалев старую лошадку, и мирно беседовали.

Звонко, на всю тайгу кричали слетки сарычей, называемых здесь карагушами. Значит, не так уж молчалива тайга в эту пору! Серая гряда Холзуна высилась за

спиной, закрывая горизонт. Зеленые пятна кедрочей чередовались там с серыми шлейфами осыпей – корумов, пятна снега белели лишь кое-где по логам. С другой стороны струился Хамир, светлый, обмелевший к середине лета, и искорки солнечных бликов вспыхивали в зеленоватой, как изумруд, воде. Стоявший прямо в русле кедр цепко вросся в галечник, и вызывало удивление, как мог он сохраниться, сопротивляясь постоянным разливам мощной реки. «Вот так и надо жить, бороться и не сдаваться, – вдруг почему-то пришло на ум Роману. – И он наверняка счастлив, этот кедр, несмотря на все свои страдания и вечную борьбу за жизнь».

Громыхая на камнях, неспешно катилась телега по кочковатой дороге. Путь шел, пересекая речки, каждая из которых поражала дикой красотой, и все они не были похожи одна на другую. Тегерек – роскошная долина с березовым лесом, водопадами и живописными скалами. Громотушка – каменный каньон с грохочущей речкой и кедрами по утесам, шишки которых падают прямо в воду. Красноярка – речушка, спрятавшаяся в лесных дебрях глубокого ущелья и глухо бубнящая, словно тетерев на току. Ярко светило солнце, на берегу реки, играя, бегали черные норки, у моста на Красноярской переправе выдра плескалась в воде. Но погруженные в беседу друзья ничего этого не замечали. Оставим же их, читатель, в покое, пусть за долгую дорогу наговорятся всласть. Ведь у увлеченных людей темы для разговоров, как и дела, которым они отдаются со всей страстью, не кончаются никогда.

